

НАТАЛЬЯ БУЛАНОВА

изменить
судьбу

ПЕКЛО
для истинного

Наталья Буланова

**Изменить судьбу.
Пекло для истинного**

«Автор»

2026

Буланова Н.

Изменить судьбу. Пекло для истинного / Н. Буланова — «Автор»,
2026

Мой истинный погубил меня, но судьба подарила шанс — я вернулась на двадцать лет назад. Теперь я знаю все о его предательстве и знаю конец нашей сказки о любви. Но сойти с пути, уготованного злым роком, оказалось не так-то просто. Родные жаждут свадьбы, а законы магии истинности неумолимы. Я не сдамся. Я спасу родителей, разрушу козни врагов и построю свою жизнь — без него. Пусть он ищет другую дуру для своих интриг. Мое сердце и моя судьба принадлежат только мне.

© Буланова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	31
Глава 14	33
Глава 15	35
Глава 16	38
Глава 17	40
Глава 18	42
Глава 19	45
Глава 20	47
Глава 21	50
Глава 22	53
Глава 23	55
Глава 24	57
Глава 25	59
Глава 26	61
Г	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Наталья Буланова

Изменить судьбу. Пекло для истинного

Глава 1

Мой истинный убил меня.

Правда, звучит как безумие? Как нечто невозможное.

И это после двадцати лет брака.

Воздух врывается в легкие обжигающим едким вихрем. Я распахиваю глаза, и первое, что делаю, — это ошупываю грудь. Место над сердцем, куда Искандер пустил стрелу.

Под пальцами чувствую лишь тонкую ткань платья, кружевную оборку и гладкую, нетронутую кожу.

И запах — сладкий, густой, душистый запах персиков, смешанный с соленым привкусом слез на моих щеках.

Я... жива?

Как же так? Я не ранена?

Я разглядываю свои руки. Метка истинности на правой руке, что теплилась на тыльной стороне ладони мягкой золотой вязью, пропала. Стерта, будто ее и не было.

И безымянный палец непривычно легкий — обручального кольца, символа всего, во что я верила, нет.

Неужели меня выходили, а наша истинность разорвалась из-за его гнусного поступка? Так бывает?

Искандер не только мне изменил — он меня предал, использовал, растоптал. Его мама свалила на меня все хозяйство и заботу о своем здоровье и постоянно унижала, называла бесплодщиной, но я терпела ради него. Ради нашей любви.

Его небольшое наследство — оставшийся от отца разрушенный дом в южной части города — я грамотно продала, приплюсовала свое приданое и приумножила доход за эти годы стократ.

Мы купили сначала крохотный дом, где жили за тонкой стеной от свекрови. Потом поменялись на условия получше — с более толстыми стенами. Потом — чуть побольше. И так, пока у нас не получилось приобрести шикарный особняк в живописном и зажиточном районе столицы.

Теперь на каждой улочке была лавочка нашей посуды собственного производства, а Искандера в округе зауважали даже собаки.

Более того, прямо сейчас мы завоевываем своей продукцией три соседних округа. Это успех!

Все думали, что это он — главный создатель, владелец и делец. Никто не знал, что я находила месторождения глины, пачкая платья. Что я ночами сидела за учетными книгами и мои глаза стали хуже видеть. И что я постоянно ходила по нашим лавочкам тайным покупателем, следила за спросом и предложением на рынке и грамотно дарила нашу продукцию тавернам.

Я разрабатывала все лучшее соотношение смесей и контролировала обжиг у печей, из-за чего моя кожа стала сухой. Искала новые рецепты глазури днями напролет.

Искандер же ходил на встречи как глава дома обжига, выпивал с людьми, с которыми я вела переписку от его имени. Он даже просил меня составлять ему план разговора.

И я это делала! А один раз, когда приболела и отказала, он пришел со встречи побитым и без контракта.

Я была счастлива, что оказалась полезна. Что стала мозгом и сердцем его успеха. Ведь за двадцать лет брака у нас так и не родилось ребенка.

Я старалась сделать все, чтобы Искандер занял достойное место в обществе и был счастлив.

И что я получила взамен, пока жила жизнью его тени? Стрелу в сердце!

Судорожно вздыхаю и вижу седую прядь волос.

Да, я поседела за последний год. А как иначе, когда подозреваешь, что твой муж ходит налево?

А когда я узнала к кому, то ревела трое суток. Ушла из дома, потому что просто не могла это пережить. Ушла в одну из лавок, растерянная, подавленная и с бурей в душе.

Я поняла бы, будь это молодая, красивая, пышущая здоровьем девица. Вру, не поняла бы, но... Хотя бы это было не так больно.

А любовницей оказалась соседка Марианна. Женщина моих лет с редкими волосами, поплывшей фигурой, сутулая. Такая вся добрая, набожная, а кошки от нее шарахались, как от бешеной собаки. А потом я узнала почему: она била их палками.

Казалась мне безобидной и одинокой — хлопчет по дому, печет, готовит, вечно присылает к нам слуг с чем-то сладким и напрашивается в гости.

Донапрашивалась. Вот уж не думала, что Искандер, мой красавец-муж, на нее позарится.

Сказал мне, пуская стрелу, что я совсем не похожа на ту женщину, которую он брал в жены.

Глава 2

— Ты вечно уставшая, Эйви, — бросил он тогда.

Действительно, с чего бы это? Не с того ли, что я таскала на своих плечах весь его мир, пока он преспокойно почивал до полудня? Он пробовал работать, как я? С рассвета до заката, а потом еще дальше, пока спина не занеет, а глаза не перестанут различать буквы и цифры?

— Ты позволяешь себе ходить при мне с немой головой, в этом своем стареньком платье, — продолжал добивать меня он.

А мне просто не хватало сил. Это он мог спокойно нежиться два часа в ванне перед встречей, говоря, что ему это крайне необходимо для правильного настроения. Он мог рассчитывать на чистый камзол и брюки, отпаренные и отутюженные. Я такую блажь себе позволить не могла — всегда находились дела, которые требовали немедленного решения и не зависели от чистоты моей головы.

А про старое платье...

А в чем, скажи, мой дорогой, замешивать глину? В шелках и кружевах? Удобная одежда была моей второй кожей, броней против грязи и усталости. Я думала, он это ценит. Оказалось — лишь презирает. Видит перед собой замученную женщину.

Но самый страшный удар был последним. Тихий, полный искреннего, обескураживающего страдания упрек:

— Ты даже мне не готовишь, не то что Марианна.

Да когда мне? Когда? Свекровь не пускала в дом слуг, поэтому, помимо дел с нашими лавками и производством, я должна была содержать дом в порядке. Я разрывалась на части! Для меня была отдушиной возможность заказывать еду в таверне и хотя бы этим не забивать голову.

А теперь Искандер упрекал меня в том, что я плохая хозяйка. Не такая, как Марианна, в чьем доме всегда пахнет свежеприготовленной едой.

— Ты — выжженная пустыня. Она — ухоженный оазис.

Боль от этих слов была такой острой, что я закричала. Выкрикнула ему в лицо правду о его праздной жизни, а в ответ увидела, как его красивое лицо искажается гримасой ярости.

Он схватил лук со стойки в один момент.

Щелчок тетивы.

Полет стрелы.

Боль.

...

Никогда бы не подумала, что он способен на это.

Подойдя ко мне, лежавшей на земле, он наклонился и сказал:

— Прости, Эйви. Это единственный выход.

Единственный выход — избавиться от жены?

От соратницы.

От тени.

Чтобы зажить с той, у кого в доме пахнет пирогами.

...

Не зря родители были против него. Были бы живы — не допустили бы нашей свадьбы, но они погибли как раз накануне. Спешили ко мне с какими-то новостями, но их карета сорвалась в пропасть на мокрой дороге.

Но уже ничего не изменить — ни смерть родителей, ни мой брак. Как не вернуть двадцать лет жизни.

Что было, то прошло.

Спасибо, что выжила.

Я опускаю руку и вижу смутно знакомый потолок с деревянными балками. Перевожу взгляд на бежевые стены, этажерку моего детства и резко присаживаюсь на кровати.

Дверь открывается.

— Эйви, родная моя, наконец-то ты очнулась! — Голос... Тот самый, который я годами слышала лишь в самых сокровенных снах.

Она входит с тарелкой нарезанных сочных персиков, таких же спелых и золотистых, как ее добрые глаза.

Мама. Моя мама, которую я похоронила накануне собственной свадьбы. Она совсем не изменилась.

У нее всегда были щечки — наливные яблочки, милые ямочки на них. И сейчас, когда я их вижу, в душе словно что-то обрывается. Слезы бегут по щекам.

Я бросаюсь к ней, обнимаю, и меня обволакивает запах сладких персиков. Она их обожала, а с годами стала любить и я.

— Я на небесах, да? — шепчу ей в волосы.

А она застывает, а потом тарелка падает из рук и с грохотом разбивается.

Глава 3

— Я позову врача, милая. А ты приляг, приляг. — Мама чуть отстраняется, берет меня за руки и ведет к кровати.

На осколки она не обращает абсолютно никакого внимания, что для нее что-то из ряда вон выходящее. Она та еще чистюля и не могла перенести залетевшего через окно листика на полу даже среди ночи.

Я даю себя вести, сажусь на кровать, не сводя с нее глаз.

Как же я хотела ее увидеть, потрогать теплые руки, ощутить нежность прикосновений. Как же я по ней скучала!

— Я позову лекаря. Подожди немного, хорошо? — Она улыбается, но я вижу в глазах застывшее беспокойство.

Хватаю ее за руку:

— Лекаря? Зачем?

Мама с любовью и болью смотрит на меня карими глазами:

— Пусть перепроверит.

Лекарь? На пути к небесам?

Подобрав юбки, мама бежит к двери и на пороге сталкивается с отцом.

— Дорогой, Эйви очнулась!

— Правда? — Папа бросает на меня радостный взгляд. — Слава небесам! Как она?

— Нужен лекарь, она немного... — Мама понижает голос, но я слышу ее шепот на ухо отца: — ...бредит. Посиди пока с ней, я быстро отдам распоряжение отправить карету до Каерса.

Каерс — фамилия нашего семейного лекаря. Он уехал в другой округ сразу после смерти родителей. Говорят, там он разбогател, купил себе хороший дом и ушел из профессии.

Однажды я хотела его найти, чтобы подтвердить бездетность, но узнала, что он больше не принимает. Помню, очень расстроилась — он был отличным доктором.

Мама исчезает, а папа идет ко мне, прихрамывая на одну ногу. В детстве он переболел какой-то страшной болезнью, которая искривила и словно иссушила ногу ниже колена, из-за чего его походка стала неровной.

Он садится на край кровати, всегда такой сдержанный на прикосновения и эмоции, и я бросаюсь ему на шею.

Папа замирает, а потом его руки медленно ложатся на мою спину. Это против правил, я знаю. Большие девочки не должны так себя вести. Но я большая девочка, которой пустили стрелу в сердце, мне можно.

— Ты чего? — тихо спрашивает папа.

А меня начинают сотрясать рыдания. Он гладит меня по голове, как в детстве, и от этого слезы льются по щекам еще быстрее.

Папа. Мама. Моя девичья комната.

Родные запахи, тепло их рук.

Неужели перед тем, как предстать перед Создателем, исполняют самое заветное желание? Я так мечтала их увидеть и обнять. И сказать кое-что важное.

Да, точно. Я могу это сделать сейчас.

Я всхлипываю, стираю слезы со щек и смотрю папе в глаза. Собираюсь несколько секунд с мыслями и говорю:

— Прости, что наговорила тогда. Я сгоряча. Искандер оказался тем еще негодяем, ты был прав. А я с вами из-за него еще поссорилась перед трагедией.

Я чувствую, как папа каменеет, хмурится, а потом кладет руку мне на лоб, словно проверяя, не в горячке ли я.

— Мать права, тебе нужен лекарь. Но ничего, ничего. Тебе скоро полегчает.

Папа еще сильнее хмурится, и я вижу, что на его лице пробивается щетина. Впервые в жизни ее вижу, потому что он всегда тщательно следил за своим внешним видом.

— Это из-за волос, Эйви? Увидела себя в зеркало и помутилась разумом? — вдруг спрашивает он.

Я беру в руку седую прядь своих волос, прокручиваю в голове все, что увидела и испытала сейчас. С силой щиплю себя.

— Ай, больно!

— Дочка, не вреди себе. Лучше отдохни. — Папа обхватывает мои руки, поворачивает голову к двери и кричит: — Руни, приготовь госпоже успокаивающий отвар!

Руни? Моя служанка, с которой я выросла?

Разве она не погибла от рук и похоти неизвестного и не была найдена в переулке?

Я дергаюсь, но тут появляется она.

— Уже бегу, господин! — Руни заглядывает в комнату и радостно улыбается мне, а потом убегает, боясь, что папа ее отругает.

Я успеваю заметить синяк под ее глазом.

В точности такой, как она получила в восемнадцать в лавке вееров, ввязавшись в драку из-за моего заказа, который хотела забрать Тильда — госпожа дома Марэй.

Веер, кстати, все-таки достался Тильде, а мама отругала Руни, что ссорилась с госпожой столь знатной семьи. И я потом всю жизнь подозревала эту заразу Тильду в смерти служанки, ведь она та еще злыдня.

Мама. Папа. Руни. Все здесь, все живы.

Я внимательным взглядом осматриваю комнату. Шкатулка с украшениями, доставшаяся мне в наследство от бабушки, цела и стоит на туалетном столике. Она разбилась в день свадьбы, когда я спешила к жениху и задела ее рукой.

В углу комнаты висит клетка с Чиви — птицей, которая у меня была в молодости. Она улетела из клетки, когда Искандер пьяным пролез в поместье, приревновав меня к Дейру Шорилу — наследнику знатной династии.

Помню, после этого родителям пришлось согласиться на нашу помолвку, потому что по городу пошли слухи.

— Папа, а какое сегодня число? — Мой голос звучит глухо.

— Как какое? Тринадцатое. Скоро праздник Полноводной реки.

Праздник, на котором я столкнулась с истинным и проявилась моя метка.

Я стремительно встаю, подбегаю к зеркалу и застываю. В отражении вижу себя молодую, румяную, вот только волосы — седая платина.

— Папа, а какой сейчас год?

— Сто третий год правления династии Рошеров.

Небеса! Я вернулась на двадцать лет назад.

Глава 4

Я резко оборачиваюсь к отцу, хватаю его за руки. Они теплые, такие одновременно забытые и знакомые, такие настоящие.

Родители живы!

Это не подарок перед отправлением на тот свет, не последнее свидание с дорогими сердцу людьми. Это... Это...

Да это же настоящий подарок судьбы!

Я не умерла, не вышла замуж за Искандера. Более того — мы еще даже не встретились. Живы родители, жива Руни, жив мой певчик Чиви.

Сердце бешено колотится в груди, смешивая невероятную радость с леденящим ужасом.

Сегодня тринадцатое? Семнадцатого — праздник Полноводной реки. На нем я сама не своя была от горя из-за потери Руни. Родители приказали моему кузену Харли развлечь меня, отвлечь от плохих мыслей и сопроводить на главную площадь.

Так-так-так, когда же Руни умерла? Точно — как раз сегодня вечером. Она ушла за жареными каштанами, сказав, что раз она не отбила мой веер, то хотя бы вкусеньким порадует, но так и не вернулась.

Я отправила слуг на поиски, они несколько часов прочесывали город, а потом нашли ее бездыханной, избитой, поруганной.

Нет! В этот раз я не допущу трагедии. Никто не умрет — ни родители, ни Руни. И Чиви не улетит.

По какой-то чудесной причине я получила шанс прожить жизнь заново, и я ни за что не совершу прошлых ошибок. Ни за что не свяжусь с Искандером.

— Эйви, присядь! Тебе нехорошо. — Папа хмурится. — Скоро приедет доктор.

— Папа, все хорошо. — Я мотаю головой, позволяя себе улыбнуться и порадоваться подарку судьбы. — Теперь все точно будет хорошо. Никакого доктора не надо.

Папа смотрит на меня с большим сомнением взглядом «А вот я так не думаю». А я присаживаюсь перед ним на корточки и заглядываю в глаза.

Он внешне такой суровый, не умеющий выражать свои эмоции. Раньше я боялась первой проявлять нежность, но сейчас меня ничто не может остановить — я с улыбкой люблю им и глажу ему руки.

Я раньше и не замечала, какие у него мозолистые пальцы. У нашей семьи три кузны, которые позволяют жить безбедно.

После смерти папы и мамы, после этой ужасной трагедии, выяснилось, что папа ковал мечи, что категорически запрещалось императором. Для себя, для личной коллекции, но все же он нарушил закон.

И только то, что мечи были для личного пользования, спасло мне жизнь и приданое — остальное изъяли в счет казны.

Помню, Искандер тогда потратил целое состояние, чтобы подкупить нужных людей. Наверное, именно поэтому я так спешила помочь ему сколотить его заново и спускала свекрови все тычки носом — «ты нам по гроб жизни должна».

— Отвар готов! — Руни входит в двери, широко улыбаясь и болтая без умолку: — Госпожа, как же я переживала, когда вы с качелей головой о камень рухнули. А когда на глазах волосы побелели — думала, сама поседею. Но врач сказал, что это из-за испуга случилось. И вообще, по-моему, вам так еще красивее.

Я медленно встаю с корточек.

Нельзя на нее набрасываться с объятиями — точно больной объявят. Но я не могу удержаться широкой улыбки в ответ на ее щебетание.

Руни — та еще болтушка, особенно когда волнуется. И судя по скорости речи, сейчас она очень переживает.

— Вот, госпожа. Выпейте отвар, я его остудила так, что можно пить.

Я беру пиалу и делаю глоток. Горько!

Папа тут же протягивает мне дольку персика, как было всегда, с самого детства. Горечь лекарств и ситуаций мама говорила заедать ими, вот и вошло у нас в семье в привычку.

— До дна. — Папа встает с кровати, откашливается и косится на меня, словно боясь, что я снова выкину что-нибудь этакое.

— Пап, правда, все хорошо. Не надо лекаря. Со мной все в порядке. Просто слишком яркий сон приснился.

Может, это действительно был кошмар? Жуткий, пугающий до дрожи, злой сон.

Отец оценивающе смотрит на меня, а потом чередой вопросов запускает проверку:

— Сколько мне лет?

Это легко. Я знаю, сколько ты прожил, мой родной.

— Сорок пять.

— Сколько ты мне должна за проигранный спор?

Я на секунду задумываюсь, ныряя в приятное воспоминание, и смеюсь:

— Стоять во время твоего вечернего чтения на одной ноге.

Это было самое жестокое наказание со стороны отца. Раньше оно казалось мне жутко несправедливым, просто до слез, а теперь вызывало лишь улыбку.

Ведь за двадцать лет без родителей я узнала, насколько жестоки бывают люди. Простоять на одной ноге во время вечерних чтений отца — не такое уж и страшное наказание за побег в ночи из дома.

Папа косится на мою улыбку и говорит:

— Не-е-ет, все-таки лекарь нужен. Пусть посмотрит.

Ну и ладно, пусть смотрит. Заодно спрошу лекаря о том, почему у истинных пар бывает бесплодие. Этот вопрос не дает мне покоя.

Глава 5

— Ваша дочь абсолютно здорова. — Лекарь Каерс выпрямляется на стуле у моей кровати, и родители облегченно выдыхают.

Круглый живот Каерса всегда казался мне забавным. Он был настолько большим, что казалось, он съел арбуз целиком.

Этот же живот мешает Каерсу наклониться к своей сумке, и Руни спешит помочь ему, за что получает по протянутой руке.

Что это он? Я раньше замечала, что он никогда не разговаривает со слугами, но чтобы он позволял себе такие вещи? Или я просто не была раньше такой внимательной?

Руни бросает на моего отца виноватый взгляд и пятится, склонив голову, в угол комнаты.

— Спасибо! — Папа жмет лекарю руку и передает увесистый мешочек монет.

И только тогда Каерс говорит рекомендации:

— Пусть побольше отдыхает, питается легкой пищей и не забывает про прогулки во дворе.

— Простите, господин Каерс, — обращаюсь я к нему. — А вы не скажете, чем лучше свести синяки?

Я вижу по лицу лекаря, что он понимает: речь идет о Руни. Синий круг и шишку на скуле трудно не заметить.

— У вас где-то есть синяки? — спрашивает он, задрав подбородок.

За годы торговли я научилась чувствовать людей. Раньше Каерс казался мне талантливым и неповторимым, я безмерно его уважала. Но то было в мои восемнадцать, когда я еще не хлебнула реальной жизни и жила под родительским крылом.

Теперь же я отчетливо вижу — Каерс не скажет ничего, если речь пойдет о слугах.

— Да. — Я киваю, и мама тут же подходит ко мне.

— Осмотрите ее! — просит она.

— Нет-нет. Синяк в очень интимном месте, — нахожусь я с ответом.

Лекарь прочищает горло, смотрит на отца, потом на мешок в своих руках. Видимо, решает, что мог бы дать совет и бонусом, раз без осмотра.

— Заваривайте гриб со зловонного дерева. Пейте, но не более трех пиал в день. Рассосется за сутки.

— Спасибо, — киваю я.

Каерс бросает на меня пытливый взгляд, потом переводит его на Руни и недовольно хмыкает.

Вот же какой! Да он тот еще вредина, оказывается.

Родители провожают лекаря до ворот поместья, болтая о засухе, а Руни подходит ко мне. Она ни слова не говорит про Каерса, но трет руку.

— Дай посмотреть. — Я протягиваю к ней свою.

— Все в порядке. — Руни прячет обе руки за спину, а потом несмело улыбается: — Спасибо, что спросили, госпожа. Я знаю, что это вы для меня. Но я похожу и так.

Я смеюсь. Знаю, что ее останавливает.

— Не хочешь к зловонному дереву подходить?

Эти деревья росли на краю болот и смердели так, что глаза щипало.

— А как же твое свидание во время праздника Полноводной реки? — напоминаю я.

Руни познакомилась с одним возничим с другого конца города, и он пригласил ее провести праздник вместе. Я прекрасно помню, как Руни ждала свидания, как постоянно улыбалась и даже танцевала, когда думала, что ее не видят. Но на свое свидание она так и не попала.

Когда хоронили Руни, были все слуги поместья, я, родители. Пришел и он. Плакал сдержанно, но с такой болью в глазах, стоя в стороне, что мне выть хотелось из-за несправедливой судьбы.

Надеюсь, в этот раз я смогу предотвратить беду и Руни все-таки сходит на свидание. Кто знает, может, это любовь всей ее жизни? Парень симпатичный, работающий. Пусть у них все получится.

— Мое свидание? — Руни морщит личико, собираясь плакать, а потом ойкает — напрягать мышцы лица больно.

— Да. Давай завтра вместе за ним ходим. Я притворюсь спящей, а ты отпросишься на рынок.

Руни задумчиво мнет юбку платья, нервничая.

— Слышала, городской оракул сказал, что завтра весь день будет лить дождь.

И тут я припоминаю — правда. Проливные дожди лили все дни до праздника Полноводной реки. Я тогда еще подумала, что небеса плачут вместе со мной.

Значит, у Руни есть только сегодняшний день, чтобы достать тот гриб и явиться на свидание красивой.

Опасно, конечно, выходить из дома, но мы будем вдвоем и пойдем совсем другой дорогой. Да и вернемся засветло, ведь лес с болотом сразу за городом.

— Давай тогда сейчас. Скажешь моим родителям, что я заснула после визита врача и отвара, а сама отпросись на вечерний рынок. Хорошо?

Руни кивает, щупает рукой синяк и морщится от боли.

— А я уже думала, что не смогу пойти на свидание. Хотела его предупредить сегодня. Сегодня вечером? Уж не каштанами ли прикрыла поход к нему Руни?

Вроде ситуации одни и те же, но как же по-другому я теперь их вижу!

Глава 6

План кажется мне простым и надежным: мы с Руни должны незаметно выскользнуть через выход для слуг, пока мама занимается распоряжениями по дому, а папа ушел в кузницу.

Руни исчезнет из особняка под прикрытием моего поручения на вечернем рынке, я же для всех буду отдыхать.

Из подушек и одеял я соорудила фигуру спящего на кровати человека. Издалека казалось, что я сплю, отвернувшись к стене, и, только если подойти вплотную, можно было заметить мелкие нестыковки. Такие как слишком закрытая голова или короткие ноги.

Надеюсь, проверять, как я сплю, никто не будет. Посмотрят издалека, что отдыхаю, да дверку-то закроют.

Я накидываю поверх платья темный неприметный плащ с капюшоном, скрывающим мои предательски седые волосы.

— Готово, госпожа, — шепчет Руни, заглядывая в комнату. — Все думают, что вы спите.

— Отлично. Идем.

Мы на цыпочках пробираемся по поместью, и нам везет никому не попасться на глаза до самых ворот. И вот тут-то нас ждет настоящая проблема: Баррис, управляющий, отчитывает слуг.

Я узнаю эту позу — сцепленные в замок за спиной руки. Он только начал и не закончит еще полчаса, пока не выключит мозг трем служанкам-поломойкам.

— Что же делать, госпожа? Подождем?

Мы можем подождать, но тогда возвращаться будем затемно, а это нехорошо. Точнее, с учетом моих знаний прошлого — это очень плохо. Сегодняшним вечером я ни за что бы не высунулась из дома, решила на это только потому, что завтрашний день и все дни до праздника Полноводной реки будет лить дождь.

А мне так хочется, чтобы Руни была не только жива, но и счастлива! Чтобы сходила на праздник красивой, чтобы радовалась свиданию.

— Ждать нельзя.

Послать никого тоже нельзя — все слуги боятся духов болот, которыми пугают непослушных малышей. Раньше и я бы туда не сунулась, но не сейчас. Никто из них не знает, что ни один дух не смог защитить свой лес от вырубки, а болото — от иссушения всего через десять лет.

Одна Руни никогда и ничего не боялась — ни духов, ни драк, ни ругани Барриса.

— Ты проходи через ворота, потому что у тебя есть разрешение от мамы, а я перелезу через забор у дровницы.

Руни понятиво кивает, подбирает юбку и идет мимо управляющего такой независимой походкой, что меня разбирает смех. Как же я по ней скучала!

— Что задумала, Руни? — Баррис не может не обратить на нее внимание.

Руни никогда не умела играть, но в этом была ее прелесть. Все в поместье знали, что она никогда не предаст господ и не сделает что-то плохое или противозаконное. Все любили ее.

Баррис горевал тогда на похоронах так, словно хоронил свою дочь. Да и неудивительно, ведь Руни выросла на его глазах.

— Ничего. — Руни пускается бегом, на ходу крича: — У меня разрешение хозяйки.

— Кто бы сомневался, — бурчит Баррис, а потом косо усмехается, будто смеется над своими мыслями.

Отлично, Руни за воротами. Осталось мне перемахнуть через высокий забор. Я тихо прохожу за кустами роз, колючими и такими ароматными, что маскироваться за ними — одна пытка и удовольствие.

У дровницы растет огромное дерево с толстыми ветвями. Именно к нему и были привязаны качели.

Вот только сейчас их нет. Почему? Не помню в прошлом, чтобы их снимали при мне.

Но ладно, сейчас не это главное.

— Эйви спит, — слышу я голос мамы. — Не трогай ее. Пусть отдыхает.

— Она меня сегодня порядочно перепугала, — доносится голос отца.

— И меня! Но лекарь сказал, что все в порядке. Но вот волосы... Я думала над тем, чтобы раздобыть южные краски из племен гариесов.

— И она будет красноволосой?

— Ну не седой же...

Голоса родителей удаляются, а я качаю головой.

Эх, если бы вы, мои хорошие, знали, что белые волосы — это последнее, что сейчас меня волнует, вы бы очень удивились. У меня тут дел невпроворот. И все дела — жизни и смерти.

Я засучиваю рукава, хватаюсь рукой за одну из ветвей и пытаюсь себя подтянуть. Ух ты! Силищи-то сколько. Вот что значит молодое тело.

Достаточно ловко взбираюсь на высоту, ползу по ветке через забор и наконец сажусь на него.

Смотрю вниз, ожидая увидеть Руни, но ее нет. Сердце тут же заходится тревогой, а я кручу головой по сторонам, глядя то в один конец улицы, то в другой.

Руни нет!

Несмотря на высоту, я так пугаюсь за девушку, что спрыгиваю. Отбиваю пятки, ковыляю не пойми как, но двигаюсь в сторону ворот для слуг.

Руни! Где же ты? Пожалуйста, только не попади в беду.

Глава 7

Город готовится к вечеру и наполнен разговорами об ужине, доме и сплетнями. Пустые телеги спешат развозить заказы именитых господ, а слуги торопятся по своим делам.

Хоть и прошло двадцать лет, вижу много знакомых лиц из соседних поместий и горожан.

— Вы видели мою служанку Руни? — подхожу я к каждому из них.

И все, как один, мотают головой.

— А я видел. Она с каким-то дядей болтает за книжной лавкой. — Маленький мальчик лет семи из соседнего поместья, что вечно болтался на улице, дергает меня за платье и протягивает руку.

Точно! Это же... как же его зовут... на языке вертится!

— Спасибо, Натан! — Я достаю монетку из поясного мешочка и кладу в чумазую ладошку. — Ты всегда выручаешь.

— Это моя работа, — важно хмурится он, гордо поднимая подбородок.

Помню-помню, главный маленький сплетник в нашем районе. Родители работали в доме напротив, а Натан был предоставлен сам себе. В прошлой жизни я его хорошо запомнила, потому что он часто сидел у забора, куда выходят мои окна, и слушал Чиви, а когда я выходила, постоянно просил его показать.

Я тогда вечно находила причину, чтобы не делать этого. В этой жизни обязательно покажу, только найду Руни.

Я бегу к книжной лавке, гудящей от посетителей.

Зазывала стоит у входа и громко кричит:

— Вышел новый том «Путешествий Ланиэля». В этот раз сбежавший из дома аристократ чудом спасается от убийц, посланных дядюшкой, и остается без денег в пустыне Матфи. Сможет ли он выжить? Спешите узнать сами!

О, помню-помню. Кажется, писатель выпустил пять романов, которые гремели на всю империю, а потом вдруг перестал писать истории и пропал, так и бросив своего героя где-то в море во время шторма. Помню, гомон недовольных в книжных лавках стоял невероятный. А потом нашли шестой томик и продали его на аукционе за целое состояние.

Но сейчас мне не до пропавших писателей! Нужно быстрее найти Руни. Что там за мужчина с ней разговаривает? Уж не убийца ли поджидал ее?

Не нужно было никуда выходить! Походила бы с синяком, не сходила бы на свидание — подумаешь. Зато жива бы осталась.

А тот извозчик дождался бы и снова пригласил, если Руни ему действительно нравилась.

Я поворачиваю за книжную лавку, но там никого нет. Небеса!

В груди все леденеет.

— Госпожа! — слышу я голос Руни позади и резко оборачиваюсь.

Моя служанка стоит как ни в чем не бывало и смотрит на меня. Я бросаюсь к ней, стискиваю ее в объятиях.

— Госпожа, вы чего?

— Испугалась за тебя. Скажи, с каким мужчиной ты говорила? Кто это был? Он тебя обижал? Хотел увести?

Руни смотрит на меня так, словно у меня выросли рога:

— Так это Баррис был. Он догнал меня сказать, чтобы я зашла в лавку приправ и купила перец.

Лавка приправ? Как раз в переулке рядом с ней и была тогда найдена Руни. Нам туда никак нельзя.

Я оборачиваюсь и ищу глазами Натана. Он прекрасно знает нашего управляющего, но испугал меня, не назвав его по имени. Наверное, чтобы точно монетку дала.

Натан, кстати, вырастет и станет богатым купцом уже в двадцать. У парня настоящая деловая жилка.

— Ладно, идем на болота. — Я хватаю Руни за руку, боясь потерять.

Он сначала пытается неловко вернуть свою руку, смущаясь:

— Госпожа, увидят же. Не поймут...

— Плевать. Я тебя больше не потеряю, — говорю я уверенно.

Город мы преодолеваем легко, лавируя в толпе. Лес встречает нас воздухом, полным эфирных масел и запаха зловонного дерева, который испортит любую прогулку. Наверное, именно поэтому у нас в городе фраза «прогуляться по лесу» несет значение чего-то не очень приятного.

— Здесь совсем по-другому дышится, да? — Втягиваю носом воздух, набирая полную грудь, а потом закашливаюсь от того, как щиплет нос, словно я стою рядом с кухаркой, которая режет лук.

Руни счастливо смеется:

— Спасибо, госпожа, что делаете это. Я очень хотела пойти на свидание.

Руни опускает взгляд, и ее щеки загораются красным даже под фингалом.

Она так рада. Может, не зря я всю эту вылазку затеяла? Просто надо не выпускать Руни из виду и быть осторожной, прожить этот день — и жизнь наладится.

Найти зловонные деревья у начала болот не составляет труда — надо просто идти на ужасный запах. Мы с Руни уже не выдерживаем и зажимаем носы, а когда доходим до самих деревьев, глаза у нас слезятся и становятся припухлыми, словно мы плакали ночь напролет.

— Вот он! — Я показываю на черный нарост на развилке дерева.

Ствол зловонного дерева тонкий, но крепкий. Все его ветви находятся ближе к верхушке, поэтому добраться до гриба не так легко.

— Госпожа, вставайте на мои плечи! — Руни присаживается на корточки перед деревом, обхватывает его руками.

— Давай лучше ты.

— Да вы что, госпожа? Нельзя! Да и легче вы. Давайте. Вы же меня выручаете.

Не очень хочется мне так делать, но выхода нет. Лестницу сюда не принести, по веткам не забраться. Значит, придется лезть с помощью Руни. Если встану ей на плечи, как раз достану до гриба.

— Вот. — Руни протягивает мне небольшой ножик, вытащив его из тканевого сапожка под туфлю.

— Ой, а я и не подумала, чем срезать будем! Ты молодец.

У меня что-то голова была совсем не тем забита.

— Он у меня всегда с собой.

Всегда с собой? Но при Руни не нашли никакого оружия в тот день.

Я смотрю на крохотный складной нож слишком долго.

— Госпожа...

— Да-да, лезу!

Я снимаю туфли, остаюсь в тканевых сапожках и кое-как пересиливаю себя, чтобы встать на плечи Руни. Она удивительно легко привстает, еще и меня подбадривает:

— Все хорошо, госпожа. Давайте.

Я поднимаю руки вверх:

— Достала! Режу.

Гриб оказывается тверже, чем я ожидала. Или нож тупой? Но мне приходится порядочно повозиться, прежде чем отделить его от ствола.

Но какая же Руни счастливая, когда я протягиваю ей гриб на земле.

— Спасибо, госпожа! Век не забуду. Я хочу купить вам в благодарность ваши любимые жареные каштаны.

Я раньше никогда не могла отказаться от них, могла съесть мешок. Но после смерти Руни я не могла и штучки в рот взять.

— Пошли домой. Не хочу сегодня каштаны.

— Вам нехорошо, госпожа?

Совру, чтобы мы побыстрее оказались дома и Руни не думала о том, чтобы заглянуть куда-то.

— Что-то голова закружилась. Пойдем домой? — Хватаю ее под руку.

— Хорошо. — Руни с тревогой на меня поглядывает.

Мы возвращаемся довольные и счастливые. По дороге смеемся, вспоминаем детские проделки, когда разница в статусе была не так ощутима, как сейчас, и даже проходим через ворота для слуг непойманными.

Сказав маме, что Руни достала тот самый гриб от синяков, мы еще час возимся на кухне с его варкой.

Когда Руни пьет отвар, я вижу, как оранжевый диск солнца медленно опускается за горизонт. Еще чуть-чуть — и этот день пройдет.

Руни отбегает в уборную, стоящую отдельным зданием. Ее так долго нет, что я беспокоюсь и выхожу на ее поиски.

Но тут вижу управляющего.

— Баррис, ты не видел Руни?

— Я отправил ее за перцем.

Что? Нет! Только не это!

— Я же предупредила кухарку, что перца сегодня не будет.

Можно было, конечно, отправить другого слугу, но что, если в том переулке другая наша служанка погибнет? Я не стала рисковать.

— Господин будет лютовать. Он хотел сделать примочки с перцем, потому что у него очень сильно разболелась нога. — Баррис непоколебим.

Он и понятия не имеет, под какой удар направил свою любимицу.

— Нет-нет-нет! — Я бегу прямо к главному выходу из поместья.

— Эйви! — кричит в спину мать.

— Эйви! — басит отец сбоку.

Но я бегу со всех ног, ведь каждая секунда может спасти Руни жизнь.

Глава 8

Сердце колотится в груди, выбивая ритм моего отчаяния. Ноги сами несут меня по знакомой дороге к лавке приправ.

Я плюю на то, что на мне домашнее платье, что волосы развеваются на ветру седыми прядями, что родители кричат мне вслед. В голове стучит лишь одна мысль: «Только бы успеть!»

Переулок, где в прошлой жизни нашли Руни, короткий и грязный, пропахший застоялой водой и крысиным пометом. Его зажимают между собой глухие стены складов. Сюда редко заходят люди, особенно с наступлением сумерек. Именно это и делает его идеальным местом преступления.

Я залетаю по ступеням в лавку приправ и хватаюсь за шершавый дверной косяк. Дышу ртом глубоко и часто, а в боку колет острой иглой. В меня ударяет яркий запах специй, и дикое желание чихнуть щиплет нос.

И тут я вижу ее! Руни, живая и невредимая, деловито перебирает на ладони черные перчинки, перекатывая их пальцами и принюхиваясь с довольным видом.

Жива! Я успела!

У меня ноги подгибаются от облегчения, и я чуть не падаю. Грудь, которую до этого сжимали тиски надвигающейся беды, отпускает.

Я делаю шаг вперед, но замираю от озарения.

А что, если преступник не случаен или судьба коварна? Что, если нападение может повториться в другой день?

Сейчас у меня есть шанс подглядеть тех, кто, возможно, хочет напасть на Руни.

Я прячусь у выхода за старой дубовой бочкой и жду, пока она не выйдет. Буду держаться рядом с ней, чтобы в нужный момент не дать ей свернуть в опасный переулок или подойти плохим людям.

Мне нужно понять, кого опасаться. Я должна знать его в лицо и посадить в тюрьму, чтобы больше не бояться за Руни.

И почему я сразу не сообразила захватить с собой слуг? Сейчас бы послала одного за смотрящим. Одна я мало что могу, но попробую. Не хочу бояться каждый день, что судьба-злодейка отнимет у меня Руни.

Поэтому, когда Руни выходит из лавки специй, я тихонько пристраиваюсь за ней. Знаю, что она по натуре не подозрительна, мало смотрит по сторонам и вряд ли меня заметит на расстоянии пяти шагов. Особенно когда увлечена поеданием горсти орехов, которые торговец всегда дает бонусом к большой покупке.

— Руни! — слышу я мужской голос справа.

И вижу того самого возничего, который пригласил ее прогуляться по улицам в праздник Полноводной реки. Того, кто стоял в стороне и горевал о потере во время похорон.

Руни сначала радостно машет ему рукой, а потом, словно спохватившись, прикрывает рукой синяк и уходит в сторону, отвернувшись. Я-то знаю, что она скрывает лицо из-за того, что стесняется ушиба, а вот он нет.

Возничий бросается за ней следом, расталкивая толпу, и тут меня прошибает холодным потом догадка. А что, если преступник — это он?

Во рту разом пересыхает, а в груди холодеет.

Мне становится так страшно от этой мысли, что я со всех ног нагоняю Руни, хватаю ее под руку, чувствуя под пальцами грубую ткань платья. Я увожу ее на другую улицу. Оборачиваюсь и вижу, что парень застыл посреди улицы и смотрит нам вслед.

— Госпожа? — Руни дергается от неожиданности, когда я ее хватаю.

— Это я, не переживай, — нервно улыбаюсь я, а голос даже самой кажется фальшивым.

А в голове крутятся взрывоопасные мысли и предположения.

Неужели это возникший так разозлился, что Руни убегала от него, что поймал и уволок? Доказательств у меня нет, но совпадение слишком подозрительное.

— А что вы тут делаете, госпожа? — Руни пугливо смотрит на меня. — Что с вами? Что-то случилось в поместье?

В ушах стучит бешеный ритм испуганной души, а в голове такая куча мыслей и предположений, что я не сразу нахожусь с ответом:

— Нет, все в порядке. Просто решила прогуляться.

— Идем гулять? — Руни косится на меня, и ее глаза сужаются от подозрений.

Она очень хорошо меня знает и видит мое встревоженное состояние.

— Нет, идем домой, — твердо говорю я, а потом бросаю взгляд на лицо Руни. — А твой синяк уже лучше. Отек почти пропал.

— Но фиолетовый круг остался. Я сейчас даже сбежала от Кайла.

— Кайла?

— Ну да, помните, я говорила о парне, который работает возникшим и...

— Поняла, — обрываю ее.

Значит, подозреваемого зовут Кайл. Если он и правда убийца, то Руни лучше не встречаться с ним на празднике.

— Тебе не показался он странным? — спрашиваю я, и язык обжигает кислый привкус тревоги.

Руни поворачивает ко мне голову, и выражение ее лица становится мечтательным:

— Он такой классный. Красивый, интересный, а еще он очень смешной.

Ее глаза блестят влюбленностью. О нет! Эта упрямец точно рванет на праздник Полноводной реки навстречу опасности.

Глава 9

Три дня проливных дождей становятся для жителей города радостью и благословением небес. Это значит, что засуха закончилась, обмелевшая речка снова полна пресной воды, а с полей скоро можно собирать хороший урожай.

В честь этого события и был назван семнадцатый день этого месяца — праздник Полноводной реки.

Не знаю, как природа умудрялась быть такой точной, но это повторялось из года в год. Только количество дождливых дней и интенсивность выпавших осадков всегда были разными.

В прошлом году, если мне не изменяет память, дождь поливал стеной, но всего сутки. Обычно я просто умирала от скуки, если это длилось дольше, но в этот раз несказанно радуюсь этим трем дням передышки.

И не отпускаю Руни от себя ни на шаг.

Эти три дня я мучаюсь сомнениями и всячески пытаюсь отговорить Руни от свидания с Кайлом. Теперь, когда я вспоминаю его лицо на похоронах, оно мне не кажется больше потерянным, а выглядит подозрительным.

Он появился в тот час, когда Руни погибла в прошлой жизни. Он бросился преследовать ее, и неизвестно, что случилось бы, если бы я не вмешалась.

Нет, я не могу рисковать!

Но сколько бы раз я ни заводила разговор со служанкой, все было тщетно...

— Руни, мне кажется, тебе не стоит идти завтра на праздник с этим Кайлом.

— Но почему, госпожа? Синяк уже прошел. — Глаза Руни тут же наполняются слезами.

Я про себя вою. Как же сложно-то!

— Не из-за синяка. Просто у меня плохое предчувствие. Очень плохое. Поверь мне, пожалуйста.

Руни смотрит на меня с немим вопросом. Она привыкла мне доверять, но сейчас ее собственное счастье перевешивает.

— Госпожа, это всего лишь предчувствие. А я... я так ждала этот праздник. Это мое первое свидание. Кайл мне так нравится. Он такой добрый! Даже стишок мне посвятил. Очень красивый и романтичный, про солнце и луну.

— Он же возникший. Знает грамоту? — Мое тело тут же напрягается.

Слуги — и сочиняют стихи? Это что-то новенькое.

— Говорит, его господин к нему очень добр, как и вы ко мне. Вы же меня тоже научили чтению и письму. Разве плохой человек стал бы сочинять стихи?

Еще как стал бы, если нужно заманить жертву в ловушку.

Я смотрю в красные, припухшие от непролитых слез глаза Руни и понимаю: сбежит, даже если запрещу. Даже если привяжу, найдет способ вырваться. Она у меня такая.

Что же делать? Если навяжу условие, что я тоже отправлюсь с ней под прикрытием, тайно, то она вся скривится и надуется. Не захочет, чтобы ее первое свидание портили.

И я ее понимаю, сама бы не захотела.

Молодая девушка, перед которой маячит перспектива весело проведенного праздника и первой любви, совершенно ничего не будет слушать.

Я сама себя так же вела, когда познакомилась с Искандером. Не слушала ни одного довода родителей. Ведь они говорили, что он кажется им подозрительным, а я лишь глаза закатывала про себя.

Даже убегала из дома, когда отец один раз запер меня и не пустил на свидание с ним. Так что я прекрасно понимаю, что девушку, у которой сердечки в глазах, в чувство словами не привести и не привязать.

Хотела бы я отсидеться дома и не пойти на этот праздник Полноводной реки, но придется. Переоденусь в одежду служанки, надену маску, какие продают в лавках на ярмарке, и прослежу за ними.

Пожалуй, я даже найму четверых крепких мужчин, чтобы шли вслед за сладкой парочкой и, если что, спасли Руни. И сама буду рядом, потому что и наемники могут подвести.

Я поймаю убийцу с их помощью, посажу его в тюрьму и буду спокойна за будущее Руни.

В прошлом отец вытащил меня на праздник, потому что я была слишком убита горем. Он встретил там старых друзей, они сели за столики с уличной едой, а мне стало скучно, и я отпросилась пройтись. И тогда столкнулась с Искандером.

Он поймал меня, когда я оступилась. Мы встретились взглядами, и я помню, как застыла от его очарования. Он был статен, безумно обаятелен и обладал магнетическим голосом.

Помню, как стало жечь тыльную сторону руки, за которую он меня поймал. Как проявилась метка истинности, навсегда определив мою печальную судьбу.

В этот раз я всячески буду избегать места, где мы встретились. Я буду не в красивом платье и плаще с мехом, как в прошлом, а в дешевой одежде слуг. На такую меня красавчик Искандер даже не взглянет.

Главной загадкой всю жизнь для меня оставался факт, как так получилось, что деньги потеряла не только моя семья, но и его. Как так вышло, что он делал мне дорогие подарки, сам ходил в одежде из элитных тканей, а на момент свадьбы стал беднее монаха.

Сколько раз потом ни спрашивала Искандера, он сразу приходил в ярость, и я с годами перестала поднимать эту тему. В конце концов, я вышла замуж по любви, а он был моим истинным. Вместе мы крепко встали на ноги, и я считала, что счастливо состаримся.

Пока он не пустил стрелу мне в сердце.

Теперь я буду обходить его десятой дорогой. Совершенно ясно, что нам лучше не встречаться. На празднике Полноводной реки я буду в маске, дешевой одежде и вооруженная знанием держаться от Искандера подальше.

Моя главная цель — никогда не касаться его в этой жизни, чтобы не проявилась метка истинности.

Но это потом. А пока мне нужно подумать, что взять с собой из средств защиты на случай, если наемники окажутся бестолковыми. И что продать, чтобы выручить деньги на их найм.

Раньше я не могла расстаться ни с одной вещью из подаренной бабушкой шкатулки, но теперь я смотрю на все эти золотые шпильки, браслеты и сережки с холодным расчетом.

В прошлой жизни я продала все это после свадьбы со слезами на глазах, понимая, что нам нужно как-то жить. Вооруженная знаниями о ведении дел, которые почерпнула за годы жизни у отца, я смогла продать полуразрушенный дом — наследство Искандера от почившего отца, дополнила своими деньгами и положила начало гончарному бизнесу, который потом стал известен на четыре округа.

А сейчас я смотрю на эти вещи без единой слезинки в глазах. Смотрю как на ресурс, которым могу воспользоваться и выгодно продать.

Мне предстоит спасти Руни, спасти родителей и выяснить, кто их подставил.

Столько дел! Поэтому, как только наступает рассвет дня праздника Полноводной реки, я беру золотую шпильку и перелезаю через забор поместья.

Глава 10

Утренний город окутан влажной дымкой. В воздухе витает запах мокрого дерева, земли и свежей выпечки, которую скоро будут продавать уличные торговцы, крича о достоинствах своих изделий так, что из поместья слышно.

В свои прежние восемнадцать я никогда бы не смогла нанять громил по двум причинам: первое — не знала бы, где их взять, и второе — струсил бы, побоявшись за свою репутацию и вообще иметь дело с плохими людьми.

Но стрела в сердце лечит от многих страхов и быстро стряхивает ненужную шелуху, расставляя приоритеты.

В свои почти сорок я с чем только не имела дела. Наши лавки и теснили конкуренты, играющие по-черному, и пытались закрыть чиновники, которым показалось, что мы мало сып-лем им на лапу уважения. Один раз нашу гончарную мастерскую разгромили, ничего не украв, а в другой — подсыпали в смеси золу.

Мне приходилось иметь дело с самыми разными подлыми и добрыми людьми, а сейчас я в молодом теле с опытом жизни человека, прожившего вдвое больше.

Я иду в бедную северную часть города, закутавшись в самый простой и поношенный плащ из гардероба служанки, с глубоко надвинутым капюшоном, скрывающим мои белоснежные волосы.

В руках у меня небольшой сверток с золотой шпилькой в виде распустившегося цветка и нефритовым браслетом. Первая настолько эффектная, что надеть ее — значит кичиться богатством. Так и лежала бесполезная, красивая и дико безвкусная.

Она-то и пошла в расход первой. А вот браслет я взяла на всякий случай, если потребу-ется открыть нужный рот или дверь. Кто знает, как работала служба наемников в мои восем-надцать. Я-то имела с ними дело уже в зрелом возрасте.

Помню, как рыдала над разбитыми черепками в гончарной мастерской, а мимо проходил старый продавец фруктов. Он протянул мне персик и сказал:

— Госпожа, не оставляйте их безнаказанными. Они почуют силу и вытворят что похуже.

На что я ответила:

— А что я могу? Муж сказал, у нас нет никаких доказательств, что это сделали конку-ренты. Что даже суд их оправдает за недостаточностью улики.

— А вы уверены, что это они?

— Да они этого даже не скрывают! — Я показала ему на печь, где написано, что, если не закроемся, они разнесут все наши лавки в городе. Вчера Гаральд Лоф кричал Искандеру эту фразу в лицо, когда мы выиграли контракт на поставку посуды во все таверны «Кривая нога».

Помню, как старик тогда протянул мне белое перо и сказал:

— Госпожа, идите в книжную лавку «Моя муза». Там есть те, кто может проучить за деньги.

Помню, как передала Искандеру наш разговор со стариком и как он высмеял меня. И я тогда пошла сама, ни на что особо не надеясь.

Показала перо продавцу книг, и тот отвел меня через сеть тайных коридоров в комнату, где я и познакомилась с главой гильдии наемников.

Я никогда не видела его лица из-за маски, но прекрасно помню, что его левая рука не до конца сжималась в кулак. Похоже, из-за поврежденных сухожилий.

Но, несмотря на это, от мужчины веяло аурой опасности, силы и влияния. То, как он двигался, как сидел, как ходил, — все это накрепко засело у меня в голове.

Он мне даже снился, и эти сны были такими неприличными, что я просыпалась с крас-ными щеками и чувством вины перед Искандером.

Глава гильдии наемников просил называть его кратко — Редом. И всегда обращался ко мне уважительно.

Поэтому сейчас я не так боюсь, стуча в дверь книжной лавки и пряча в рукаве перо. Конечно, я понимаю, что их может там еще не существовать, но не ожидаю, что меня пошлют через дверь куда подальше.

— Открытие через два часа! — напоследок гаркает мужчина через деревянную преграду.

И я в отчаянии достаю перо из рукава и просовываю кончик в щелку двери, особо ни на что не надеясь.

Тишина на той стороне длится несколько долгих секунд, а потом я с облегчением слышу, как отодвигаются дверные запоры.

Стоит дверям открыться, как меня хватают за плечи и затаскивают внутрь так, словно я преступница.

Хлопок — дверь закрывается. Я погружаюсь в темноту, запах книг и чернил. Из-за закрытых ставней ничего не видно, и лишь тонкая полоска света из дверной щели подсказывает, что на улице теплится рассвет.

— Кто такая? — Грубый мужской голос пугает, но я креплюсь — сжимаю сверток в руках, напоминая себе, что отступать нельзя.

— Мне нужны музы.

— Кто тебе нужен?

— Музы. Или ваш глава гильдии.

Я распутываю узелок свертка и протягиваю в темноту нефритовый браслет:

— Вот, возьмите.

Глаза потихоньку привыкают к темноте, и я вижу множество стеллажей под потолок и внушительную фигуру мужчины, говорившего со мной.

Здесь всегда в продавцах были крепкие парни. Местные госпожи и их слуги постоянно посещали магазин, чтобы пополнить библиотеку и посмотреть на продавцов.

Но сейчас мужчина, который общается со мной в темноте, совсем не напоминает приветливых юношей-торговцев.

Моя рука так и остается протянутой к нему и держащей браслет.

— Взять ее, — раздается голос из глубины помещения, и я сразу его узнаю: глава гильдии. Вот только... что? «Взять ее»?

Тут же из темноты ко мне протягиваются руки, и я визжу от страха. Ладонь разжимается, браслет падает на пол и, судя по звуку, разбивается.

Мой рот накрывает чья-то ладонь, руки скручивают за спиной.

— Молчи, если хочешь жить.

Стоило руке отпустить мне рот, как на голову накидывают что-то темное, плотное, пахнущее древесными опилками.

— Пустите! Пожалуйста! — сопротивляюсь я, пока меня тащат, судя по всему, по потайным коридорам, по которым раньше я шла с гордо поднятой головой навстречу главе гильдии.

Мне с силой нажимают на плечи, куда-то притащив, и я падаю на колени.

— Кто тебя подослал? — раздается низкий и убийственно холодный голос главы гильдии.

— Н-никто. Мне просто нужна помощь.

Другой голос раздается чуть сбоку:

— Глава, не может быть. Мы только вчера решили про перо и про муз. У нас крыса, а наш враг хочет показать, что знает о каждом нашем шаге, вот и прислал девчонку.

Я слышу это и понимаю, как крепко оплошала. Я думала о том, что наемников здесь может еще не быть или что они не поймут мой знак пером, но такого исхода даже предположить не могла.

Про перо и муз они придумали только вчера. О-о-о, нет!

Глава 11

Холодный пот проступает на спине, а в груди леденеет. Я понимаю, что, если подчиненные позволяют раскрывать тайны при постороннем, этот посторонний долго не проживет.

Для них я уже априори мертва.

Мешок срывают с моей головы, и я жмурюсь от света сотни свечей. Все они стоят позади кресла главы гильдии, из-за чего я вижу только его устрашающий силуэт.

Холодное лезвие меча касается моего горла, и я застываю.

— Говори сейчас же, кто тебя подослал, и тогда умрешь быстро. Иначе устроим пытку тысячей порезов, и ты все равно признаешься, но будешь страдать, — шипит мне кто-то на ухо, судя по голосу, совсем молодой, но злобный, как бродячая собака.

Меня начинает трясти от страха. Я не помню, чтобы они были такими жуткими. Здесь меня всегда встречали с большим уважением и даже следили за словами, которые произносили.

Неужели всему виной одежда служанки?

— Подождите! — Я смотрю в темные провалы глаз маски главы гильдии. — Я ни на кого не работаю, но я могу объяснить, откуда все знаю.

Меч чуть отстраняется от горла, и я могу дышать.

Фух, у меня есть временная передышка. Только вот что им сказать? Как объяснить, что я знаю о пропуске в виде пера и о названии наемников, которые они придумали только вчера?

Правду говорить нельзя.

Может, сказать, что я оракул? Жрица?

Нет, опасно — еще сожгут на костре или сделают что-то подобное. Потребуют предсказать то, чего я не помню, и потом точно снесут мне голову с плеч.

Нужно что-то достоверное, что можно доказать здесь и сейчас. Что-то, что не работает по заказу извне.

И тут меня осеняет.

— Я вижу вещие сны. Благодаря этому я уже спасла свою служанку от смерти три дня назад, но сегодня она пойдет с возможным преступником на праздник. Я хотела нанять вас, чтобы вы мне помогли. Я видела вас в своем сне.

Несколько секунд в помещении стоит оглушительная тишина, а потом сухой голос главы припечатывает:

— Убить.

— Стойте! — кричу я, видя, как мужчина рядом замахивается мечом. — Я знаю, что вы любите кислые яблоки и ненавидите корицу. А еще у вас аллергия на блюда с османтусом.

Я выпаливаю эти личные факты, собранные за годы знакомства, на свой страх и риск.

— Стой! — Приказ главы останавливает меч в секунде от моей смерти.

Глава медленно, угрожающе встает, и я затаиваю дыхание.

Боги, двадцать лет назад он уже не был таким мускулистым. Сейчас в нем чувствуется просто убойная молодость и сила. А еще резкость, которая, видимо, с годами ушла, уступив место сдержанности.

Глава делает два шага и медленно присаживается рядом со мной, чтобы смотреть глаза в глаза. Я плохо вижу даже маску на нем из-за света свечей позади него, но ему, должно быть, мое лицо прекрасно видно.

— И что же ты еще знаешь обо мне? — Он спрашивает это так, что становится понятно: записал в число шпионов и готов придушить лично.

Неужели я снова пошла по неправильному пути? Что же делать?

Нужно что-то срочно придумать, что он не сможет списать ни на шпионов, ни на предателей.

Давай же, Эйви, думай! Вспоминай!

— Глава, — громко обращаюсь к нему, помня, что он всегда уважал уверенность в моем голосе. — Я докажу, что не вру. Что я правда вижу вещие сны.

Вижу скорее по его напряженной фигуре, что мои слова его не убедили, поэтому тут же продолжаю, используя все воспоминания и детали в отношении гильдии, которые у меня имелись и которые можно было безопасно назвать:

— Вот в том углу стоит статуэтка бога медицины. Если ее повернуть, то открывается ниша.

Может, и не стоило это упоминать при его подчиненных, но я хочу жить.

Глава поворачивает голову в сторону статуэтки, а потом снова направляет все внимание на меня:

— Ты же понимаешь, что с такими знаниями по земле долго ходить не сможешь?

Не знаю, начинает ли он верить или нет, но, если не смогу его убедить, мне и так не ходить по земле. А я только-только второй шанс на жизнь получила. Не могу же я его так глупо упустить?

Все, что я сейчас выдала про главу и это место, не доказывает, а только подставляет меня под удар. Нужно вспомнить что-нибудь другое.

Но, боги, двадцать лет прошло. Как тут упомянуть?

— Это еще не все, — пытаюсь заинтересовать его, судорожно перебирая в голове воспоминания и факты. — Скоро автор «Путешествий Ланиэля» пропадет.

Глава мгновенно по-животному подбирается.

— И что же с ним случится?

— Не знаю. Но его так и не найдут даже спустя двадцать лет.

Не буду говорить про найденный шестой том и аукцион на него.

— Что еще знаешь? — Глава гильдии опускает подбородок к груди, смотрит на меня волком.

Нужно что-то такое, что можно будет проверить на днях, а лучше сегодня. Что же случилось тогда, когда я горевала о Руни? Что еще произошло в праздник Полноводной реки?

Если упомяну о пожаре на юге города в одной из лавок, еще скажут, что подельники подожгли. Нет, нужно что-то другое. Что-то, на что человек мало может повлиять.

— Знаю! — восклицаю я, и глава заинтересованно приподнимает подбородок. — Сегодня днем будет град размером с куриное яйцо. Пробьет крыши многих лавок, поэтому многие во время праздника будут натягивать ткань от солнца вместо крыши. А! Еще одна градина попадет в голову вредному сыну мэра, и он будет ходить со здоровенной шишкой на лбу.

Я так радуюсь, что складываю руки в молитвенном жесте, закрывая рот. Улыбка расплывается по моему лицу против воли.

Вижу, как глаза главы гильдии превращаются в две подозрительные щели.

— Ты же понимаешь, что это легко проверить?

— Да! Именно поэтому и говорю.

Глава резко поднимается и бросает своим подчиненным:

— Закрыть ее до вечера.

И мне на голову снова опускается мешок.

До вечера? Я же тогда не спасу Руни.

Глава 12

Вечером для Руни все может кончиться, и только из-за моей поспешности. Я не продумала все, а теперь на кону стоят две жизни — моя и ее.

— Ред! — кричу я сквозь пыльный мешок, и тут же вокруг все замирает.

Я сглатываю страх и продолжаю:

— Прошу, если град не начнется до вечера, отправь своих людей охранять одного человека. Я заплачу. Я принесла драгоценности. Если надо — принесу еще. Только спаси ее. Я ведь здесь из-за этого.

Да, я назвала его по имени или прозвищу. Да, я рискую, но не могу не попытаться.

Он фыркает и удаляется, а меня куда-то снова тащат так, что я теряю туфли. Буквально швыряют в какое-то помещение, и я слышу, как на двери движутся сразу несколько деревянных засовов.

Сдираю с себя мешок и нахожу себя в крохотной камерке, в которой можно сделать два шага в одну сторону и два в другую. Настоящий чулан, только пустой.

Здесь пахнет пылью и мокрой собачатиной.

Хорошо хоть не связали и в рот кляп не сунули. Все-таки провидцев боятся сильно обижать, даже пусть и вероятных.

Но это меня сейчас мало успокаивает. Руни в большой беде, а я заперта до момента, пока не пойдет град.

Во сколько он тогда начался? В полдень? Позднее? Когда эта девчонка соберется улизнуть из дома?

Вот же засада!

Отчаяние комом сидит в горле. Надо же было так попасться! А еще считала себя опытной, умной женщиной.

Если выживу, впредь буду осторожней.

Я слышу движение у двери. Похоже, Ред выставил мне охрану.

— Слушай, а если она и правда видит? — доносится голос молодого парня, который приставлял мне меч к горлу.

— Скоро станет понятно. Град — редкое зрелище. Меня бы это убедило, — слышу более зрелый голос.

— И меня! — поддакивает парень. — Но если она правда того... то подумать страшно, что она про меня знает. Слышал, как она главу по имени назвала? А про тайник?

— Это может знать и враг.

— Ну да, ты прав, — задумчиво отвечает парнишка. — Но лучше пусть она видит. Не хочу верить, что среди нас есть крыса.

— Это точно.

В темноте чулана я теряюсь во времени и в мыслях «а если град не пойдет?». Не могу спать, не могу расслабиться, не могу перестать тревожиться ни на секунду.

Не знаю, сколько проходит времени, но вдруг слышу тяжелую дробь по крыше.

Бах-бах-бах-бах-бах!

— Град! — кричат за дверью.

— Правда, град!

И я тут же вскакиваю на ноги. Ура! Природа не подвела! Град все-таки пошел.

Я спасена. Но сколько сейчас времени?

Проходит минута, вторая, и, когда я почти извожусь от нетерпения, дверные засовы начинают отъезжать.

Дверь моей темницы распахивается. Я жмурюсь от света, прикрываюсь рукой и постепенно различаю фигуру молодого наемника. Выражение его лица потрясенное, рот открыт, глаза распахнуты.

— Там град. С куриное яйцо, как вы и говорили, предсказательница! Прошу к главе. — И он низко кланяется, показывая руками в сторону, куда надо пройти.

От этого уважения у меня вырастают крылья за спиной. Я выхожу в коридор, бросаю взгляд в окно, вижу огромные белые шары, которые со стуком врезаются в землю так, что подпрыгивают, и улыбаюсь.

— Сколько времени? — уточняю я.

— Час дня.

Еще есть шанс, что Руни никуда не ускакала.

— Глава ждет, предсказательница!

Я киваю, иду за ним по изгибистым коридорам и снова оказываюсь в знакомом приемном зале. Глава гильдии сидит в кресле уже не так расслабленно, скорее напряженно. Маску он никогда не снимает.

В этот раз никто не ставит меня перед ним на колени, никто не выкручивает руки. Пыльного мешка рядом тоже не видно.

Зато мои туфельки стоят передо мной чистенькие, кажется, даже протертые от пыли.

А еще рядом с ними лежит мешочек, который я даже не помню, когда потеряла в этой суе.

Я надеваю обувь, беру мешочек в руки. Мы оба молчим.

— Значит, видишь вещие сны? — наконец спрашивает он.

— Да, — после секундного колебания отвечаю я.

— И зачем ты сюда пришла, дочка владельца кузниц?

Ага, значит, он уже обо мне все узнал! Интересно, как?

— Твои туфли. — Он словно читает мои мысли — отвечает на вопрос. — Они явно принадлежат госпоже, а не слуге.

Действительно, об этом я не подумала. Надо быть внимательнее к мелочам.

— Я пришла сюда, чтобы спасти свою служанку Руни, с которой мы выросли. Я хотела нанять четырех наемников ей в охрану. — Я развязываю ленточки мешка и достаю золотую шпильку. — Вот. Этого хватит?

Ред смотрит на мою протянутую руку.

— Не хватит. С тобой я буду вести другой обмен.

— Какой же?

— Знания на услугу. Град пошел. Осталось проверить, будет ли шишка на голове у сына мэра...

— Но мне нужна помощь прямо сейчас! Пожалуйста, поймите, дело жизни и смерти.

— Мой профиль — дела смерти, так что ты по адресу. И я окажу тебе услугу, которую ты просишь, авансом.

— И что попросите взамен? Мне сны под заказ не снятся.

— Будешь работать на меня. Рассказывать все сны, что тебе снились и будут сниться. Я сам буду выбирать из них важное.

А цена высока! Не драгоценности, не подсказать в чем-то единожды, а постоянно работать на него?

Но сейчас у меня нет выбора. Я буду вынуждена пойти на эти условия, чтобы спасти Руни.

— Я согласна.

Ред застывает, будто был готов к моему сопротивлению или торгу. Но кое-что за годы замужества я поняла: с мужчинами проще согласиться, а потом незаметно прогибать свою линию.

Дальше разберусь с работой на него, а пока спасу Руни.

— Сколько наемников тебе нужно и куда? И в чем опасность для твоей служанки? Рассказывай.

Я с готовностью подхожу ближе и сталкиваюсь с ледяным взглядом. Раньше он спокойно позволял мне сидеть рядом, а теперь не подпускает.

Что ж, ладно.

— Все началось три дня назад...

Я быстро объясняю всю опасность ситуации, рассказываю о подозреваемом возничем Кайле и о том, что крайне важно не спускать с Руни глаз на празднике Полноводной реки и даже раньше.

— Важно поймать преступника, а не просто обезопасить Руни. Иначе я не смогу спокойно спать.

— Поймать на покушении на убийство?

— Да. Именно. Но Руни не должна пострадать. Сможете так сделать?

Ред уверенно кивает, а потом спрашивает:

— Хотите присутствовать?

Ох, какой сложный вопрос. С одной стороны, хорошо бы отсидеться дома, чтобы не наткнуться на Искандера. С другой — я же вся изведусь. А что, если наемники окажутся ненадежными в этой жизни? Что, если судьба-злодейка разом прикончит эту четверку ударом молнии или еще что-то?

Как же мне быть?

Глава 13

— Да. Хочу, — говорю я прежде, чем разум успевает переубедить сердце. — Я должна быть там.

Надену маску, буду в одежде для слуг и накину на голову плащ. Я готова хоть лицо грязью измазать, лишь бы снова не столкнуться с Искандером.

Волна холода идет по коже, а в груди, в месте, куда попала стрела, начинает болеть.

Однако мысль о том, что Руни могут не спасти из-за какого-нибудь проклятого стечения обстоятельств, в тысячу раз страшнее. Я уже однажды доверила ее жизнь судьбе и проиграла. Второго шанса не будет.

— Ты собираешься идти в этом? — вдруг спрашивает Ред.

— Да, а что?

— Даже слуги надевают лучшее на праздник. В таком виде тебя будут все от прилавков гонять, привлекать внимание. Так не пойдет. Я позабочусь о твоём виде, раз ты теперь работаешь на меня. Мои люди не могут позволить себе ошибаться.

Какая знакомая его последняя фраза. Он часто ее повторял в прошлой жизни.

Ред негромко свистит, и рядом появляется тот самый юнец, что угрожал мне мечом.

— Принеси для нашей предсказательницы одежду на праздник. Форма номер два.

Парень кивает и выскальзывает из зала.

— Помни: ты наблюдатель. Я не потерплю никакого вмешательства в работу. Мои люди знают свое дело.

— Я поняла.

Через несколько минут юнец возвращается с охапкой одежды. Простое, но добротного качества платье темно-синего цвета, без единого намека на кружево или вышивку, и темный плащ с капюшоном. И, конечно, маска — полумаска из черного бархата, закрывающая верхнюю часть лица. Надев все это и подобрав под плащ свои предательски светлые волосы, я стану выглядеть как дочка небогатого ремесленника или приказчица. Идеально.

— Как тебя зовут? — Ред оценивающе смотрит на меня.

— Эйви... — говорю по инерции.

— Нет. Не в жизни. Для моих людей на этом задании. И для меня.

Я размышляю несколько секунд. Мне нужно имя, которое не вызвало бы у меня самой неприязни, но и не было бы слишком вычурным.

— Лира. — Я вспоминаю имя героини одной из старых книг, которую я любила в детстве.

Книга о свободе и приключениях маленькой девочки, которая хотела найти своих отца и мать.

— Хорошо, Лира. Я Ред. Это Корни. — Он кивает на юного наемника. — Корни будет твоей тенью. Его задача — не столько ловить преступника, сколько следить, чтобы с тобой ничего не случилось.

Корни деловито кивает:

— Не подведу, глава.

Ред поворачивается ко мне, его темные глаза блестят в прорезях маски:

— А ты пока переодевайся.

— Но я могу это сделать дома.

— Нет. Домой ты сейчас не пойдешь.

— Но родители будут волноваться, что меня так долго нет.

— Не переживай. Я уже велел отправить мальчишку-слугу в твоё поместье с сообщением от твоего имени, что ты пошла посмотреть выступление кукольного театра на Цветочной улице, а потом хочешь застать цирковых артистов на юге города. После мы отправим ещё одного слугу

от тебя, который сообщит, что ты встретила подруг из академии и вы вместе хорошо проводите время.

Откуда он знает, что я училась в академии? Неужели всю подноготную на меня успел нарыть?

— Руни на меня обидится. Она всегда по таким местам со мной ходила. Мы как сестры.

— Если хочешь, чтобы твоя сестра выжила, делай, как я сказал. Будет обижена — быстрее соберется в город.

— Но мне нужно еще вам ее показать.

— Сомневаешься в моих людях?

Ну да, выполняют же они задания без указания пальцем, кто есть кто.

— Тогда зачем берете меня с собой?

— Когда в деле мешал предсказатель?

— Я просто видела сны. Меня не посещают видения.

— Зато ты можешь вспомнить что-нибудь важное из своих снов.

А Ред не промах и явно преследует свои цели. Что ж, не мне его за это судить.

Корни проводит меня в небольшие покои, где я могу спокойно переодеться. Платье мне немного велико, но с помощью завязок я исправляю этот маленький недочет.

Смотрю с любопытством в небольшое зеркало. Очень непривычно видеть на себе такой цвет. В молодости я одевалась в нежные цвета, а когда вышла замуж, то в более темные и приглушенные. Но у меня не было ни одного платья такого глубокого темно-синего цвета.

Я провожу рукой по платью — грубоватая ткань хорошо держит форму и слегка пружинит под пальцами. Подношу ладонь к носу и втягиваю запах лаванды и мыла. Значит, платье не новое, а уже носилось.

Интересно, кем? Когда я имела дела с Редом, то не видела у него ни одной женщины в наемниках. Или я просто не обращалась за их помощью?

Бархатная маска садится идеально. В ней мои глаза кажутся еще более голубыми. Я уже и забыла, что они у меня могут так сверкать. Долгие годы я смотрела на себя в зеркало, чтобы наспех причесаться и бежать по делам. А в последние месяцы не могла видеть эту печаль в глазах, морщины грусти и седеющие волосы.

Теперь же я смотрела на себя с решимостью больше никогда не видеть ту загнанную в болото версию себя.

Я так старалась быть хорошей женой и невесткой. Свекровь мне постоянно повторяла, что это я виновата в том, что семья Искандера стала бедна. Но никогда не уточняла почему.

Я лишь могла догадываться, что Искандер отдал все деньги, чтобы власти не тронули меня за грехи отца, поскольку я уже была помолвлена и вот-вот должна была стать частью другой семьи.

И я всегда старалась отплатить за свою жизнь, ведь за измену казнили весь род. Аковка оружия расценивалась как подготовка к мятежу. А Искандер доказывал в суде, что папа ковал только для своей личной коллекции.

Но в этой жизни я не допущу, чтобы с родителями случилось несчастье, а папину коллекцию мечей нашли. И мой род сохранит свои деньги, и род Искандера. Оба рода будут счастливы, только порознь.

А пока пора идти на праздник Полноводной реки исправлять судьбу Руни.

Глава 14

Главные улицы города наполнились веселыми и жаждущими чуда людьми. Я раньше так любила ярмарки и праздники, не пропускала ни одного до замужества, а потом... потом началась борьба за жизнь, когда важнее сделать партию товара или проверить, все ли лавки полны, чем повеселиться. Я стояла по другую сторону, как и сотня торговцев.

Мне казалось, что это ощущение внутреннего праздника потеряно для меня безвозвратно, но стоит мне сегодня услышать смех, музыку и зазывные крики торговцев, как внутри расцветает давно забытое чувство.

Если бы еще не угроза жизни Руни, я бы вдоволь здесь повеселилась!

Люди Реда быстро узнают, что моя служанка еще в поместье. Четверо наемников разделяются и караулят выходы из поместья, пока я скрываюсь неподалеку под маской и зонтиком от солнца.

Последний, кстати, мне выдал Ред, перед тем как выпустить с наемниками и Корни.

Думала, он пойдет со мной, но глава гильдии остался решать какие-то важные дела, сказав, чтобы я все важное сообщала Корни, в том числе про видения.

Не так-то ему и нужны мои пророчества!

— У тебя живот урчит, — по-свойски замечает Корни.

Он переоделся в простой костюм, и теперь мы походим на брата и сестру из небогатой семьи с одним слугой. Впрочем, это и есть наша легенда.

— Я с утра ничего не ела. А тут так пахнет жареными лепешками, что сил нет. — Я стараюсь глубоко не дышать.

— Я куплю.

— Я не могу есть на улице! — хватаю его за рукав.

Корни наклоняется и тихо говорит:

— Это дочка владельца нескольких кузниц не может. А Лира может. От этого легенда только крепче.

Я разжимаю пальцы, и Корни устремляется в лавку на другой стороне улицы. В это время из боковой двери моего поместья, которой никто не пользовался из-за разросшегося плюща, выходит Руни.

Ох, а вот на этот вход у нас людей не хватило! Да я про него и не подумала.

Как хорошо, что наемники все время поглядывают на меня, поэтому сразу ловят мой знак и незаметно идут за Руни.

А Ред был прав, говоря, что на праздник даже служанки достают свои самые лучшие наряды. Она даже маску зайки где-то раздобыла! И платье цвета чайной розы ей очень идет.

Наемники умело вливаются в толпу горожан за Руни. Один из них — сборщик мусора, вооруженный холщовым мешком и длинной палкой с острым наконечником. Другой — плотник, прогуливающийся по городу после выполненного заказа с ящиком инструментов. Третий раздает прохожим маленькие жетоны на скидку в книжной лавке, у него большая корзина в руках. Четвертый — подвыпивший горожанин, начавший отмечать с самого утра.

Все так умело вжились в роли, что я бы ни за что не заподозрила их, не зная правды.

Я бросаю взгляд на Корни — он не видит, что Руни уже вышла и наше задание по ее спасению началось. Строит глазки какой-то блондинке в персиковом платье, а на меня и не смотрит.

Ох, не зря я его потом рядом с Редом не видела. Не оправдывает он надежд, возложенных на него главой. Должен за мной следить, не дать мне пострадать. А он?

Я медленно иду следом за Руни так, чтобы держать ее в поле зрения. Солнце уже не так жарит, и своим зонтом я только цепляю всех, поэтому складываю его.

Почему-то держать его в руках как палку мне спокойней. С Искандером мы встретились через две улицы отсюда, когда уже стало темно, но это не значит, что мы не можем столкнуться с ним раньше.

Поэтому я не только слежу за Руни, но и постоянно прохожусь взглядом по толпе, чтобы не дай бог не натолкнуться на Искандера.

Мы подходим к городской площади, и здесь столько народу, что поток людей просто уносит меня куда-то в сторону циркачей. Я теряю Руни из виду и дико нервничаю.

Как назло, все вокруг высокие и здоровые — ничего не видно и так легко не протиснуться. Одна надежда на то, что наемники знают свое дело и их так легко, как меня, не сбить со следа случайностям.

— Сестра, я тебя обыскался! — Корни хватается меня за локоть и быстро вытаскивает из толпы в сторону. — Вот твои лепешки. Куда ты убежала? Могла предупредить!

Взгляд его так и говорит: «Я же за вас головой отвечаю». Мои руки через бумагу жгут тепло пирожка.

— Прости, Корни. Я услышала крики циркачей и не смогла удержаться.

— Больше так не убегай. Отец сказал, что переломает мне ноги, если ты пострадаешь.

Это Корни так намекает на угрозы своего главы?

— Мы хотели найти твоего друга. Пойдем? — спрашиваю я, намекая о цели.

— Я видел его только что у фонтана. — Корни кивает в сторону центра площади.

Люди в толпе совершенно не смотрят на нас. Мне оттоптали ноги, ткнули пару раз в бока локтями, осыпали крошками от лепешек, и даже мои волосы запутались в сладком леденце ребенка, сидящего на руках у бабушки. И все это незаметно для всех, кроме меня.

Кажется, тут голой будешь идти — мало кто обратит внимание, до того все поглощены собственным весельем.

Но что самое страшное — в такой толпе так легко столкнуться с Искандером и поздно это понять. Чувство, что я теряю контроль над ситуацией, выступает потом на висках.

— Корни, давай выйдем из этой давки, — прошу я, начиная нервничать.

Он кивает и так ловко отводит меня в сторону, словно всю жизнь передвигался в толпе.

— Тебе не оттоптали ноги?

— Нет.

— И не затыкали локтями?

— Нет.

— И даже не измазали едой?

Корни смеется, смотрит поверх моей головы и вдруг резко становится серьезным.

— Они встретились, — говорит он, и я резко оборачиваюсь.

Руни с улыбкой принимает от Кайла цветы, а тот в ответ широко ей улыбается. Типичное начало свидания или смертельной ловушки?

Скоро узнаем.

Глава 15

Руни надела свое лучшее платье цвета чайной розы, убрала волосы назад и заколола милыми шпильками, спрятав бойкую натуру за нежным образом. Синяк под ее глазом прошел, и она застенчиво улыбается в ответ на шутки Кайла.

— Выглядят влюбленной парочкой, — шепчу я с сомнением.

— А ты думаешь, что преступники не умеют притворяться, когда им надо заманить жертву?

Я киваю, соглашаясь с его словами, скованная невероятным напряжением.

— Расслабься. Все под контролем. За ними идут по пятам, а соседние улицы под наблюдением.

Я сжимаю пирожок:

— Не могу, пока не увижу убийцу за решеткой. Только тогда поверю, что Руни в безопасности.

— Глава лично разработал план. Если убийца возникнет, он от нас не уйдет.

И тут при виде этой парочки меня колет сомнение:

— А если не он?

— Пока наши ребята следуют за твоей служанкой, она в полной безопасности.

Я киваю, но его слова меня не успокаивают. Я уже знаю, насколько коварной может быть судьба. Кайл может нанести удар так быстро, что никто не успеет среагировать, или Руни отлучится в уборную, а там ее будет ждать преступник.

Стоит признать, что Кайл выглядит неплохо. Он тоже приоделся и смотрится даже статно. Открытое лицо располагает к себе, а широкая улыбка кажется добродушной.

Неужели я ошиблась? Неужели этот юноша с добрыми глазами способен на убийство?

Мы наблюдаем за ними не меньше часа, но ничего странного не происходит. Они едят сладости, слушают уличных музыкантов, смотрят выступления и просто прогуливаются.

Руни смотрит на Кайла такими глазами, что совершенно ясно: девка потеряна. Впрочем, предмет ее обожания тоже не сводит с нее глаз.

Во мне начинается зарождаться сомнение. А что, если мое вмешательство три дня назад уже все изменило? Что, если, убрав синяк и дав ей возможность прийти на свидание красивой, я что-то предотвратила? Или... или преступник кто-то другой?

— Лира, — голос Корни становится резким, — они двигаются в сторону набережной.

— Набережная? — Я тут же напрягаюсь.

В прошлой жизни Руни нашли в переулке у лавки приправ в другой стороне от набережной и складов.

— Да. Там меньше народу, можно пообщаться и не кричать друг другу в ухо.

— Или завести ее в место потише, — шепчу я.

Сердце падает в пятки. Склады, другой район, но та же схема — уединенное место.

— Идем. — Я срываюсь с места, выглядывая их в толпе. — Где они? Ты их видишь?

Корни смотрит куда-то вправо и вверх, на крышу одного из зданий по краю площади, и успокаивает меня:

— Их ведут, не переживай. Просто спокойно иди в сторону набережной.

«Спокойно иди»? Да у меня сердце в пятках колотится, а руки холодеют.

Я могу более-менее успокоиться только тогда, когда вижу нашу парочку впереди, и замедляюсь.

Руни и Кайл идут не спеша, явно наслаждаясь обществом друг друга. Но их путь ведет в сторону портовых складов, куда веселье праздника не доходит.

Фонари здесь горят глуше, а тени длиннее и гуще.

И тут я вижу его. Впервые за этот вечер мое тело пронзает знакомым ужасом, похожим на момент, когда я поняла, что Искандер выпустил стрелу мне в сердце.

В нескольких шагах от пары, прижавшись к стене и сливаясь с тенью ниши, стоит мужчина в черном. Его лицо скрыто капюшоном, но в его позе таится опасность.

Я скорее чувствую, чем вижу, что его взгляд прикован к Руни.

Это не Кайл. Это кто-то другой.

Неожиданно Кайл, смеясь, берет Руни за руку и тянет ее в переулок, очевидно то ли желая укоротить путь, то ли украдкой поцеловать.

Руни смущенно плетется за ним, что совершенно на нее не похоже.

Какими же дурочками мы становимся, когда влюбляемся!

И в этот момент тень отделяется от стены и исчезает за ними.

Я хватаю Корни за руку, а он кивает:

— Видим. Стой здесь.

А сам притесняет меня к ближайшей стене здания и встает лицом к переулку.

— Пойдем туда! — прошу я.

— Нет.

— Корни, пожалуйста!

— Глава с меня голову снимет, если я допущу это.

Умом понимаю, почему меня удерживают, но сердце так и рвется проверить, все ли там в порядке. Но я могу только замереть и обратиться в слух, чтобы понять, что происходит в переулке.

Из темноты переулка раздается сначала глухой хлопок, а потом крик Руни.

Я дергаюсь вперед, но Корни ловит меня за талию и возвращает к стене:

— Предсказательница, хотите увидеть мою смерть во сне? С вашей служанкой все хорошо, я уверен. Ребята не дадут и волоску упасть с ее головы.

— Она кричала!

— А вы бы не закричали, если бы при вас кого-то мусолили? Может быть, даже вашего ухажера?

— Думаешь, он тоже замешан?

— А зачем тогда привел ее в ловушку?

Мне не хотелось в это верить, но я знала, что совсем скоро узнаю правду. Эти секунды ожидания длились невероятно долго, и, когда «плотник» выглядывает из переулка и машет нам, я бегу туда со всех ног.

Руни стоит, уткнувшись лицом в грудь Кайла. У него разорван рукав костюма, а плечо ранено.

На земле же лежит тот самый мужчина из тени, скрученный Редом. «Плотник» встает рядом с ними.

— Руни, ты в порядке? — подбегаю я к ней.

Она поворачивает ко мне заплаканное лицо. Впервые вижу эту девчонку такой испуганной.

— Госпожа? Что вы тут делаете? — Она оглядывается вокруг, смотрит на всех и ничего не понимает.

— Я знала, что тебе грозит опасность.

Внимательно смотрю на Кайла. Похоже, он тот, кто ее защищал. У него на плече рана от ножа, что валяется сейчас на земле чуть поодаль.

А вот и сам преступник лежит, уткнувшись лицом в землю. Я подхожу, чтобы рассмотреть его поближе. Сталкиваюсь взглядом с Редом. В этот раз на нем маска, скрывающая лишь верхнюю часть лица, и я вижу его квадратный подбородок и знакомую твердую линию губ.

Я уже видела его в этой маске в прошлой жизни, только здесь она новенькая, а тогда была изрядно потертой.

Я перевожу взгляд на преступника.

— Кто ты? — смотрю в абсолютно незнакомое лицо мужчины лет сорока с жесткой щетиной. — Почему ты хотел убить Руни?

— Мы выйдем из него правду, — говорит Ред. — Не волнуйся.

Он рывком поднимает убийцу с земли. Я замечаю, какой Ред огромный по сравнению со всеми.

— Госпожа... — Руни все не может прийти в себя и бросается мне в объятия.

Я обнимаю ее с легким сердцем.

— Тиши, тише, его поймали. Он больше тебе не навредит. — Глажу ее по волосам.

Говорю и ей, и себе.

Нужно только выяснить, зачем он объявил охоту на Руни, и тогда я смогу жить дальше с более спокойным сердцем.

Ред обращается к Кайлу:

— Надо обработать и зашить рану, но не у лекаря.

— Почему нет? — Я разжимаю объятия и поворачиваюсь к нему.

— Потому что тогда придется рассказать стражам, что происходит, и сдать им преступника. И тогда правду вы можете никогда не узнать.

Я смотрю на Кайла, на Руни:

— Нам же нужна правда?

Кайл кивает:

— Я и нештопанный похожу.

Ред смеется так раскатисто, словно обсуждать раны — обычное и любимое дело.

— Да ладно, брат, есть кому тебя подлатать. Прячь рану и иди в постоялый двор «У Энтони». Скоро там тебя найдет наш врач.

— Я с ним! — Руни тут же берет его под здоровую руку.

— Вот и отлично. У нас как раз еще есть дела, — произносит Ред и кивком головы словно говорит: «За мной».

Он передает преступника своим людям, отряхивает руки и смотрит на меня:

— Успокоилась?

Сердце стучит в ушах, руки дрожат, но я говорю:

— Да!

— А теперь пошли за мной.

— Куда?

— Как куда? Шишка сына мэра сама себя не посмотрит.

Глава 16

Я уже успела забыть об этой части своего «предсказания». Но идти смотреть на знаменательное событие мне совсем не хочется. Я не свожу взгляда со спин Руни и Кайла, которые торопливо уходят из переулка.

Моя служанка крутится вокруг возникшего, а тот держится молодцом, несмотря на рану. Но что-то все равно не дает мне покоя.

— Можно я пойду с Руни? — Я делаю шаг вперед.

— Нет, — отрезает Ред.

— Но я все равно беспокоюсь.

— И не зря. За ними следят. Нужно дать ему еще один шанс напасть, чтобы убедиться.

Холодок бежит по коже, когда моя тревога оказывается подтверждена настороженностью главы наемников.

— Но ты же назвал его братом. Я думала, он вне подозрений, — припоминаю я, глядя то на Реда, то на торопливо уходящую парочку.

Ред поворачивается ко мне, и я вижу, как губы на лице с маской изгибаются в усмешке:

— Вне подозрений только мертвый.

И от того, каким тоном он это говорит, по коже пробегает холодок предупреждения. Я буквально всем существом чувствую, что влезла в очень опасную сферу деятельности. Наемники — убийцы, воры и преступники. И я сейчас становлюсь одной из них.

Более того, на данный момент я в долгу у их главы.

Раньше мы с Редом общались вполне дружелюбно и уважительно. Мне никогда не было страшно рядом с ним, чего не сказать сейчас.

Дело в том, что в прошлой жизни я заслужила его уважение, руководя делом, а сейчас нет? Или в чем-то другом?

Ощущение, что если раньше со мной был верный пес, то сейчас — дикий зверь.

Опасный хищник, с которым я должна иметь дело и который может укусить в любой момент.

Ред молча выходит из переулка, и я, подбирая юбки, спешу за ним. Корни следует молчаливой тенью, держась на расстоянии.

— Значит, Кайл кажется тебе подозрительным, несмотря на то что получил ранение? — спрашиваю я, догоняя Реда.

Он не отвечает, и я начинаю перебирать в голове голые факты без эмоций. Кайл привел Руни в отдаленный переулок, где уже ждал преступник. Подозрительно? Да. Может это быть совпадением? Легко.

Но почему тогда преступник напал на обоих? Если только отчаялся увидеть Руни одну и решил убить сразу двоих, потому что поджимало время.

Тогда у него должен быть мотив. Это не случайность, это чей-то заказ.

Ред идет так быстро, что мне приходится почти бежать. Корни следует за мной по пятам, безмолвный и внимательный. Но стоит мне споткнуться, как именно Ред ловит меня под локоть.

— Внимательнее, — бросает он острый взгляд сквозь прорези масок — моей и его.

— У меня не такие длинные ноги, как у вас, — бурчу я себе под нос, но он слышит.

Замирает, а потом едва слышно фыркает.

— Принято, — тихо бросает он, отпуская мой локоть.

Мы возвращаемся на шумную городскую площадь, и знакомое чувство тревоги заставляет всю сжаться и озираться по сторонам.

Я очень не хочу столкнуться с Искандером. Очень. Поэтому я безумно рада, когда Ред не ведет меня через толпу, а огибает ее. Но когда я вижу, куда он меня тянет, ноги становятся ватными.

Слуги заворачивают сюда лишь цыпочках, небогатые торговцы завистливо ходят мимо стеклянных витрин лавок и ресторанов, мечтая попасть в их тусовки. Именно здесь собираются сливки общества — на этой улице, недалеко от площади.

Помню, мама мечтала попасть в число друзей аристократов, как и многие зажиточные торговцы. По финансовому состоянию часто они превосходили потомственных дворян, но, сколько бы ни старались, мало кто мог стать вхож в круги последних.

Уже много лет благодаря этому желанию торговцев возвыситься в городе выросло множество академий. Я как раз полгода назад закончила одну из них.

Мама всегда говорила, что так я открываю себе путь к браку с аристократом. И словно в насмешку судьбы, именно с одним из них и свела меня судьба.

Вот только мама почему-то была против Искандера, несмотря на все свое желание стать частью высшего общества. А я так и не узнала почему.

Наверное, это материнское чутье.

И теперь шестое чувство просто кричит, что мне нужно убираться отсюда. Из места, где практически точно можно встретить моего мужа.

Ред видит, что я отстаю, и оборачивается.

— Лира? — зовет по придуманному имени.

По улице льются звуки струнных и флейты — в одном из заведений на уличной террасе выступают музыканты. За столиками там полно гостей, а рядом стоят толпы тех, кто хочет попасть внутрь и ждет освободившихся мест, а может, просто решил послушать.

Одна компания на террасе резко бросается мне в глаза. Она самая большая и шумная, состоит из людей в ярких нарядах, девушек и парней. От них веет деньгами, властью и избалованностью.

И среди них стоит и весело смеется Искандер.

Мои легкие покрываются коркой льда.

Глава 17

Несмотря на серебряную маску, я узнаю своего мужа моментально. Его тонкие губы растягиваются в обаятельной улыбке, на щеках ямочки.

Он шутит, и все его друзья совершенно непристойно и громко смеются, как может позволить себе только молодежь.

Его лучший друг Майло, который забыл о его существовании сразу, как закончились деньги, стирает слезы с уголков глаз и бросает шутку в ответ, и теперь смеется Искандер. Этот смех несется ко мне сквозь десятки других звуков и щиплет за кожу рук так, что идут мурашки.

Давно я не слышала, как он так искренне веселится. Такой свободный, неудержимый, молодой. В такого я когда-то влюбилась без памяти.

Но когда я последний раз видела его улыбку, адресованную мне, а не деловым партнерам? Я уже и забыла. Три года назад это было? Пять?

Кишки крутит от воспоминаний о последних годах жизни с равнодушным мужем. Как же я была слепа!

Думала, что просто возраст и привычка охладили его пыл, пока не увидела его с Марианной. То, с какой нежностью он держал ее пальцы. То, с какой любовью смотрел в глаза. То, каким бархатным голосом с ней разговаривал.

Как когда-то со мной...

Девушки за соседними столиками не сводят с компании молодых аристократов флиртующих взглядов, и те салютуют им бокалами. Среди них я замечаю Тильду, наследницу дома Марэй. Ту самую, что забрала мой заказанный веер и с чьими служанками подралась моя Руни. За этим веером она и скрывает свою улыбку.

И эта Тильда восхищенно смотрит на Искандера. В ее взгляде есть что-то от дикой кошки, хищницы, уверенной в своих силах. Она касается пальцами рукава Искандера и что-то шепчет ему, он вежливо кланяется.

А я и не знала, что он ей нравился!

Слева в груди все сжимается от боли — то ли фантомной, то ли настоящей.

Искандер всегда был привлекательным мужчиной, но я и забыла, насколько же в молодости он был хорош собой и насколько популярен среди женщин.

Волосы темнее ночи, седина еще не коснулась висков. Большие серые глаза, что сейчас блестят в прорезях маски, так и влекут. Чуть тронутая бронзой кожа, которая считалась моветоном среди аристократии, ему прощалась из-за принадлежности к южной ветви древнего рода драконов Мореньен.

Красив. Знатен. Богат.

Наши судьбы вряд ли бы сплелись, если бы не метка истинности.

Когда я готовилась к свадьбе, мне завидовали все, ведь только истинных безоговорочно принимали в высшие круги из любого сословия.

Природа — что уж поделать. С ней никто не смел спорить.

Метка — магический дар наших предков, что связывает покрепче детей и крови. Реакция на касание с тем, кто идеально подходит тебе физически и ментально, чтобы не упустить его. Печать, пробуждающая драконью привязанность и инстинкты. И чем сильнее в тебе кровь предков, тем больше ты чувствуешь эту связь.

На руке женщины появляется рисунок, а мужчина чувствует невероятную тягу.

Помню, как Искандер налетел на меня так, что я чуть не упала. Он же и поймал меня от падения. И в этот момент мою кисть словно опалило огнем. Метку на тыльной стороне моей ладони увидели мы оба и застыли, казалось, на целую минуту, глядя в глаза друг другу.

Сколько лет я потом с улыбкой вспоминала этот момент. Его рука на моей спине. То, как он потянулся к моей маске и снял ее, а я, дрогнув и набравшись смелости, сняла его серебряную маску.

Я думала, что буду рассказывать внукам о нашей встрече как о самой романтической в своей жизни. Но теперь я буду избегать повторения этого столкновения любой ценой.

Помню, все постоянно твердили, что теперь я буду купаться в деньгах и ходить на светские приемы. Что мой шкаф будет ломиться от шелковых платьев, а шкатулки — от драгоценностей, потому что нет никого щедрее истинного дракона.

Вместо этого после свадьбы мы едва сводили концы с концами, но я во всем винила себя. Если бы Искандеру не попалась такая истинная, он бы не отдал свое состояние на мое спасение.

Чтобы семья моего мужа снова жила богато, мне пришлось приложить для этого все усилия. Положить все силы, всю свою жизнь.

И что я за это получила? Стрелу в сердце!

Нет, первые годы он был невероятно заботлив, несмотря на бедность. Даже не давал своей маме сильно меня третировать. Был страстен в постели, мог часами меня оттуда не выпускать.

Но я даже не заметила в этой гонке жизни, когда все скатилось на нет. Просто однажды, когда в очередной раз заболел живот из-за месячных, поняла, что у нас ни разу не было близости за месяц.

Это потом я узнала, с кем она у Искандера была.

Нет, в этой жизни нам лучше никогда не встречаться. Вместе мы оба несчастны.

— А вот и сынок мэра, — задумчиво говорит Ред.

Я с трудом отрываю глаза от Искандера и слежу за направлением взгляда Реда. И вижу сыночка мэра, выходящего из зала ресторана на террасу.

Глава 18

Как там его зовут? Фиральд? Кажется, так.

Ненавижу его.

Через месяц мэр поставит его на должность начальника стражи, и именно он ворвется в мой дом через неделю после смерти отца и матери, найдет тайную коллекцию мечей отца и отберет все состояние.

Подозреваю, что я тогда сохранила голову только благодаря Искандеру и его состоянию — ведь не зря же свекровь мне потом всю жизнь пеняла, что они обеднели из-за меня.

Из-за того, что я осталась на улице в прямом смысле слова, я даже не смогла выдержать годичный траур по родителям, вынуждена была сразу же выйти замуж за Искандера и войти в его дом.

Можно было бы пожелать этому сыночку мэра десять шишек — непременно пожелала бы. Помню, как радовалась, что его посадили за взятки спустя несколько месяцев после моей свадьбы. Даже влиятельный отец не смог его спасти от тюрьмы.

Ред двигается ближе к ним, и я вынуждена пробираться за ним следом сквозь толпу.

И тут я вижу, как Фиральд поправляет светлую челку, а Тильда вскакивает с места, обмахивает его веером, и...

— Шишка. — Ред останавливается.

Фиральд смеется, и до нас долетают его слова:

— Град застал меня врасплох.

— Да, сегодня он был размером с куриное яйцо! — охает Тильда высоким голосом.

— Хорошо хоть череп не проломил, — сочувствующе замечает Искандер, смотрит поверх голов, и тут наши взгляды встречаются.

Меня словно молнией прошибает от макушки до пят.

Он меня увидел! Он на меня смотрит!

Я тут же отворачиваюсь, захожу за спину Реда. Стук сердца заглушает гудение толпы.

— Идемте отсюда, прошу, — шепчу я, мой голос звенит от нервов.

Ред оборачивается на меня через плечо, взвешивает взглядом, а потом бегло осматривается.

Наемник, что сказать? Сначала оценивает опасность, потом действует.

— Иди первой. — Он прикрывает мне спину, и я не медлю ни секунды — быстро двигаюсь в толпе, лавируя между людьми.

Чувствую, как капля пота щекочет кожу, течет по спине. Когда ладоням становится больно от впившихся ногтей, ощущаю, насколько сильно сжала кулаки.

Даже мои плечи трясутся.

А что, если Искандер сейчас побежит за мной? Что, если поймает за руку?

— Считай про себя, — слышу спокойные слова Реда позади. — Трогай пальцами ткань юбки, касайся маски, фиксируй в уме ощущение от прикосновений.

Один, два, три... пятнадцать... После я начинаю различать людей, а не просто двигающиеся силуэты, сквозь которые я убегая от прошлого.

Платье. Жестковатая ткань, плотная, качественная.

Маска — резные края, но не острые.

Я начинаю ощущать порывы ветра, что играют волосами. Запахи специй и диких яблок в карамели. Понимаю, что почти бегу, и замедляю шаг.

Ветер холодит вспотевшую кожу лба и шеи. Я потихоньку прихожу в себя.

Ред умело сбавил мою панику, мой дикий страх, и я бросаю на него благодарный и растерянный взгляд.

Стоит мне увидеть, что Ред стеной прикрывает меня сзади, как становится спокойнее. Не представляю, в какую панику бы ударились, если бы была тут одна.

Я оглядываюсь по сторонам и понимаю, что пролетела несколько улиц, совершенно не осознавая этого. И что мои ноги подкашиваются.

— Собираешься падать в обморок?

— Раздумываю, — пытаюсь отшутиться я, потому что мне неловко, но мое состояние оставляет желать лучшего.

Никогда бы не подумала, что одно только столкновение наших взглядов с мужем может так выбить меня из колеи.

И тут Ред хватает меня за руку. Я ощущаю жесткость его перчатки.

— Какая у тебя крохотная ручка, — слышу я как сквозь вату.

— А? — Его слова доходят до меня с запозданием, и я смотрю на наши ладони — его рука вдвое больше моей. — А, ну да...

Он так подставил руку, что дал опору всему моему телу. Не знаю, как он понял, что я так в ней нуждаюсь.

— Прости.

— Видение?

Я мотаю головой, думая, как объяснить свое поведение, а Ред медленно ведет меня по улице.

— Просто не хотела встречаться с одним человеком.

— До трясушки?

Я киваю.

Он проводит меня до ступеней фонтана, чтобы я присела. Его челюсть ходит туда-сюда, и я не понимаю, недоволен ли он мной, ситуацией или еще чем-то. В маске, закрывающей половину лица, очень трудно распознать эмоции верно.

Но я не могу отделаться от ощущения, что он во мне разочарован, хоть и поддерживает. Да что говорить? Я сама разочарована своей реакцией.

Я бы хотела в этой жизни пройти мимо Искандера и чтобы даже внутри ничего не екнуло. Хотела бы, чтобы при встрече взглядов я абсолютно равнодушно отвела свой и, сохраняя спокойствие, пошла по делам, а не бежала оттуда сломя голову.

Я очень сильно в себе разочарована! Ну что за трусость? Как я собралась менять жизнь, если даже свое тело контролировать не могу?

Сколько раз я еще встречусь с Искандером? Мы же живем в одном городе! Может быть, десять раз, может быть, сотню. Кто знает? И я каждый раз буду давать деру?

Да он тогда точно меня запомнит. Нет, так нельзя.

И тут я вижу Корни, отсутствия которого я и не заметила. Он подходит к Реду, шепчет что-то ему в ухо, и они переглядываются.

Я тут же вскакиваю на ноги.

— Что такое? Что-то с Руни?

— Кайл попробовал напасть на нее на постоялом дворе, как мы и предполагали.

— Что с ней? Она в порядке?

— В порядке. Испугана, но в целости и сохранности.

— Я хочу ее увидеть.

Ред кивает, а потом с усмешкой показывает головой в сторону, откуда мы только что пришли:

— Короткой дорогой или в обход?

Я сжимаю кулаки:

— Короткой.

В этот раз я даже не посмотрю на Искандера, а если посмотрит он, то он для меня больше не существует.

Мы идем обратно, и я кручу в голове ситуацию с Руни. Значит, Кайл был заодно с тем нападающим и попытался снова. Похоже, ему во что бы то ни стало требовалось убить ее. Но кому это надо? Кто так желает ее смерти?

Кому она сделала что-то настолько плохое?

Значит, и в прошлой жизни тот случай в переулке не был случайностью.

— Не понимаю, зачем кому-то понадобилось подкупать и извозчика, и того мужчину. Руни бойкая, но добрая, — рассуждаю я вслух, когда мы выходим на ресторанный переулок, на которой гуляет Искандер.

— Мои ребята уже выяснили, кто стоит за этим. — Ред бросает на меня испытующий взгляд.

— Кто?

— Молодая госпожа дома Марэй.

Я сбиваюсь с шага от неожиданности. Со стороны террасы разносится высокий голос Тильды Марэй:

— Принеси другой! Этот холодный!

Она выливает чай на официанта.

И как я сразу не догадалась, что ситуация с веером, дракой со служанками Тильды и смерть Руни связаны?

Глава 19

Тильда Марэй. Эгоистичная, наглая, избалованная наследница речной торговой империи. Без ведома ее отца ни один корабль не смел ввозить товары в столицу или вывозить за ее пределы. Ее родословная идет от водного дракона Марэя, а состоянию может позавидовать даже император.

Я знала, что ее заскоки поражают воображение, но никогда не подозревала, что она настолько злобная, что может убить из-за дурацкого веера, который ей же и достался.

Нет, не из-за веера — понимаю я. А из-за того, что Руни не пала ниц и не предложила ей веер на вытянутых руках, склонив голову, а защищала мой заказ, пока ее не побили.

В прошлом ее убил не случайный преступник. Надругался не маньяк. Это сделал Кайл. Какое же ничтожество!

— Она... заплатила Кайлу? И тому мужчине? — Мой голос срывается.

В этот момент я настолько ненавижу ее, Кайла и мужчину в черном, что едва сдерживаюсь, чтобы не рвануть к богачке прямо сейчас. Чтобы не схватить за волосы и не проволочь по улице к реке. Чтобы...

Ярость захлестывает меня, но я знаю, что не успею занести руку для пощечины, как меня скрутят стражи, патрулирующие улицу.

Ред кивает, его взгляд сквозь прорези маски тяжелый и понимающий.

— Первая попытка не удалась, поэтому я решил проверить его, оставив их наедине еще раз. Он попался.

Я закрываю глаза, сжимаю кулаки и челюсти. Мне хочется кричать от бессилия, что эта бесчеловечная дрянь продолжает веселиться, когда заказала такое зверство.

Золотой волосок к волоску, белоснежная улыбка, большие глаза, чистая кожа, дорогое платье — вот как выглядит настоящая злодейка в этой ситуации с Руни.

Облитого официанта тут же заменяет другой с новой чашкой чая, который Тильда пробует и морщится. Бедняга, что принес ей напиток, тоже морщится, готовый получить кипятик в лицо.

Безнаказанность растит монстров.

— Вылила бы на тебя эту муть, если бы не рисковала сама обжечься, — звенит в ушах высокий голос Тильды.

И я понимаю, что просто не могу оставить эту дрянь как есть. То, что попытка убийства не удалась, не значит, что Руни теперь в безопасности. Эта сволочь может нанимать людей снова и снова, пока помнит обиду.

Но у меня связаны руки ее положением, могуществом и связями. Однако это остановило бы меня в прошлой жизни, а после стрелы в сердце от истинного мне мало что страшно.

Мне нужно обезопасить Руни. Нужно спасти родителей. У меня еще полно дел, поэтому я не могу действовать безрассудно.

Я резко отворачиваюсь и иду прочь, обдумывая, что делать. Как хорошо, что в молодом теле зрелые мозги. Я могу куда более трезво взглянуть на вещи.

— Ред, мы сможем передать нападавших стражам? Они дадут показания.

— Можем, но должен тебя предупредить: сделать это мои люди не могут. Им нельзя светиться.

— Я это сделаю.

— Тогда ты станешь врагом семьи Марэй. При этом никакого существенного наказания Тильда не получит.

Я понимаю, что он прав.

Ред продолжает:

— Но я могу кое-что сделать и без твоего участия. — Он задумчиво смотрит поверх толпы. — Большого эффекта не жди. Тильда получит легкий щелчок по носу, не больше.

— Для начала это уже хорошо, — киваю я. — Спасибо.

— Я за спасибо не работаю. Только взаимовыгодное сотрудничество, предсказательница. И сейчас мы пойдем кое-куда. Скажешь, не снилось ли тебе чего интересного.

Помню-помню. Даже в прошлом, несмотря на хорошие отношения, Ред никогда не делал скидок и стабильно брал плату за работу.

— Хорошо. Только как Руни? Я хотела бы ее увидеть. Она, наверное, смертельно перепугалась и плачет.

— Не переживай, о ней позаботятся. У тебя есть дела, — отрезает Ред.

Продавить его у меня не выйдет. Что ж, ладно. Главное, Руни в порядке и в безопасности.

Пока мы идем, я не могу перестать думать о том, как же обезопасить служанку. Думала, поймаем преступника и будем жить спокойно. Но эта злочка вряд ли просто так успокоится.

— Ред, возьми Руни к себе, — прошу я.

Глаза в прорезях маски становятся узкими-узкими.

— У меня в гильдии только высокопрофессиональные бойцы. Она умеет драться?

— Нет. Но разве вам не нужна чистота? Спрячь ее у себя ненадолго, пока я что-нибудь не придумаю.

Ред пораженно качает головой:

— А ты наглая. Ведешь себя так, словно мы сто лет работаем вместе. Будто друзья.

Последние слова он говорит мне на ухо, и я вздрагиваю.

— Просто... Просто мне больше не к кому обратиться. А отпускать ее одну в мир не менее опасно.

— К себе не возьму, — отрезает он, идя дальше.

Бойтся, что Руни узнает какие-то его тайны? Не доверяет мне? Что ж, это объяснимо. Это я знаю его столько лет, а вот для него мы сегодня только познакомились.

В голове проносятся сотня вариантов, и в любом из них нужны жертвы, те или иные.

Но есть один сценарий, который мне кажется выигрышнее всего: инсценировать смерть Руни. Не сегодня, но как можно быстрее, пока Тильда не нашла нового убийцу.

Следует сменить слуг в поместье и выдать Руни за мою кузину, что приехала погостить. Саму же Руни я переодену в дорогое платье, сделаю прическу с драгоценностями, и никто вне поместья не признает в ней служанку.

Одно плохо — придется поменять всех слуг в поместье и добиться согласия родителей на эту аферу. Но они любят Руни. Думаю, пойдут на это, если им все объяснить.

И как только я принимаю решение, мне становится легче.

Ред как раз подводит меня к той самой лавке тканей на юге города, что сегодня сгорит. Я о ней вспоминала, когда думала доказать свои предсказания, но отмела как ненадежный вариант — Ред мог свалить поджог на меня, сказать, что я специально подожгла.

Какое совпадение, что он привел меня именно сюда.

Глава 20

— Ты видела во сне это место? — Ред смотрит на лавку с ярким названием «Солнце и луна», которая скоро сгорит дотла.

Наша семья никогда сюда не заходила за товарами. Сюда пускали только высший свет, а на остальных смотрели как на отражение звезд в грязных лужах — с пренебрежением и вскользь.

Именно поэтому мы с мамой предпочитали ходить в другие лавки. Мало того что ближе к дому, так еще и их хозяева любили торговцев, а не смотрели на них как на ничтожество.

Я осторожно киваю Реду, и он тут же хватается меня за плечи:

— Что ты видела? Говори!

Он меня буквально трясет. Глаза горят в прорезях маски. Его руки в грубых перчатках делают мне больно, и я ойкаю.

Его хватка слабеет, но ладони так и остаются зависшими над моими плечами.

— Что тут происходило? — Ред словно с трудом убирает от меня руки, прячет за спину.

Я с опаской смотрю на его внезапную смену эмоций. Что же здесь такое, что настолько сильно задевает его?

Не похоже, чтобы это был его скрытый бизнес. Тут что-то личное.

— Она сгорит сегодня, — осторожно говорю я.

Ред фыркает:

— И все?

Взгляд тяжелый, жаждущий, угрожающий. Аж отступить на шаг в сторону хочется, чтобы держаться подальше.

— И все, — подтверждаю я.

— А что было до этого — не видела? — не успокаивается Ред.

Я отрицательно качаю головой.

— Ты была внутри? Может, не знаешь обстановку, поэтому уверена, что не видела?

— Я никогда туда не заходила. Она же для чистых аристократов.

Ред хватается меня за руку и буквально тащит по ступеням лавки, а потом внутрь.

Роскошное убранство давит на меня еще на входе — все эти резные колонны с позолотой, все эти витиеватые рисунки на стеллажах с тканями.

Да здесь даже ковер на полу, что уж говорить!

И мебель стоит как в гостиной — тут можно и посидеть на диване, и покачаться в кресле-качалке, пока аристократка-жена присматривает ткани.

Здесь сегодня немногочленно, и к нам тут же подходит молодая девушка. Смеривает меня взглядом с головы до ног.

Мое недорогое платье сразу ставит на мне крест как на потенциальной клиентке, поэтому она не собирается передо мной расшаркиваться. Аристократок она распознает еще по тени, видит издали, а то и знает по именам.

— Вам подсказать дорогу? — спрашивает продавщица, вскинув брови.

Переводит взгляд на Реда и вздрагивает. Отводит глаза, отступает назад.

А он на нее даже не смотрит, тащит меня за руку между рядами, постоянно поглядывая на меня. Когда мы третий раз обходим магазин под тремя парами глаз работников лавки, я дергаю руку из его захвата.

Он внимательно смотрит на меня.

— Достаточно?

Я киваю.

Мы выходим из магазина так же стремительно, как заходили туда.

— Узнала место?

— Нет.

Мне немного стыдно, что я обманываю его о вещих снах, но что делать. Здесь я никогда не была до праздника Полноводной реки, а после от этого места осталось лишь пепелище, и в городе больше никогда не было лавки тканей «Солнце и луна».

— Даже ничего смутно похожего?

Я мотаю головой.

— И кто же подожжет это место? — вдруг усмехается Ред.

— Я не знаю.

Какая-то недобрая ухмылка появляется на его лице, когда он смотрит на эту лавку. Ред смотрит на нее как на врага.

— Не знаешь? — переспрашивает он. — Зато я знаю.

Он смотрит на «Солнце и луну» с ненавистью и вдруг кидает мне:

— Уходи.

Я даже теряюсь на несколько секунд.

— Что? — переспрашиваю, боясь, что поняла не так.

— Иди отсюда, я сказал. Иди и не оглядывайся, — цедит сквозь зубы Ред.

И я понимаю, что эта бурлящая ярость не связана со мной, но мне все равно жутко и неприятно слышать такой тон и посыл в свой адрес.

Однако иногда нужно оставить человека, чтобы не обжечься о его настроение, это я поняла с годами.

Что-то в этой лавке слишком цепляло наемника. И это что-то, когда мы с ним встретились в прошлой жизни, уже давно зажило. Сейчас же свежо, как никогда.

Я отступаю, глядя, как Ред сжимает кулаки и смотрит на лавку так, словно готов на нее наброситься, как на живого человека. А ведь до этого держал себя в руках. Что же такое? Надеялся, что я что-то увижу?

Я делаю вид, что ухожу, а сама прячусь за углом здания чуть дальше по улице.

Неужели это Ред сам поджег лавку? Как-то мелко для него. Не похоже.

Или я все измеряю по тому главе гильдии, которого знала? Он взрослее, мудрее, а этот явно моложе и импульсивнее, так что все может быть.

И тут из лавки выбегает мужчина, причем сразу в почтительном поклоне. Ред явно не хочет с ним говорить, а тот продолжает раскланиваться и словно оправдываться.

Так-так-так, происходит что-то интересное.

В этот момент я вижу, как из лавки вытаскивают ту самую девушку, что высокомерно со мной разговаривала. Она тоже раскланивается перед Редом, но он на нее даже не смотрит.

Тогда мужчина толкает ее в спину, и до меня долетают слова:

— Ищи другое место работы!

Девушка пытается оправдаться, но получает еще один толчок. Она уходит, несколько раз оглядываясь, и я вижу в ее глазах смертельную обиду.

Что-то в выражении ее лица заставляет меня остаться на месте и наблюдать дальше, даже когда Ред уходит, буквально растворившись в толпе.

И интуиция меня не подводит — девушка заворачивает за лавку, а через минуту оттуда начинает подниматься серый дым.

— Пожар!

А вот и настоящий поджигатель.

Но что тогда Ред? Почему так странно себя повел? Почему перед ним раскланивались, да еще у всех на глазах?

Если бы это была его лавка, он бы за нее переживал, верно? Но ему на нее было абсолютно наплевать. Более того — он словно хотел, чтобы она сгорела.

— Пожар! Скорее! Несите воду! — кричат на улице, и я ухожу на соседнюю улицу.

Почему у меня ощущение, что ту девушку уволили из-за меня? Но в прошлом не было этой ситуации. Я не заходила в магазин. Со мной не обращались презрительно и не выгоняли эту девушку. Но лавка все равно объята огнем в праздник Полноводной реки.

Я иду по улицам в сторону дома, глубоко задумавшись о Реде.

Раньше я как-то не особо размышляла о том, как он стал наемником. Не думала, кем он был в обычной жизни. Не знала даже, как он выглядел без маски, а тут...

Ой!

На меня налетает мужчина и сшибает с ног. За секунду до встречи с землей меня ловят крепкие руки. Ладонь жжет.

Я уже знаю эти ощущения. В прошлой жизни я была вне себя от счастья, почувствовав их, а сейчас в голове бьется одна мысль: «О-о-о нет!»

Глава 21

Воздух застревает в легких от ужаса. Жгучая волна прокатывается по тыльной стороне правой руки — знакомый жар, который я надеялась никогда больше не чувствовать.

Нет! Только не это! Не сейчас.

Мои ноги подкашиваются, но руки, что поймали меня, сильные и уверенные. Я знаю эти руки. Я помню их прикосновение к своей коже. Я помню, как они держали лук, натягивая тетиву.

Искандер. Потомок древнего рода южных драконов Мореньен. Мой муж.

Его серые глаза удивленно смотрят на меня через прорези маски. На мой открытый рот, на маску, частично скрывающую лицо, на светлую прядь волос у виска. Тонкие губы медленно растягиваются в уверенной обаятельной улыбке. На щеках появляются знакомые ямочки.

Вот только теперь на меня не действует его обаяние. От его вида сначала меня парализует, а потом ужас прячет мою правую руку за спину.

Не заметил же?

В голове пульсирует: «Беги, беги, беги!»

— Госпожа, вы в порядке? — Он все еще держит меня в руках, и я дергаюсь.

Его хватка только усиливается, доводя меня до паники. Я с силой отталкиваю его, получая свободу.

Стук моего сердца настолько громкий, что я не слышу, что он говорит, вижу только движения губ.

— Спасибо! — Прячу правую руку за спину, и его взгляд скользит вслед за моим движением.

Я ныряю за спину одного прохожего, отхожу на два шага. Потом за спину другого. Еще на два.

— Пойдите! — Искандер шагает ко мне.

Вот еще! Нет уж. Нет-нет-нет.

Я разворачиваюсь и быстро шагаю в потоке людей, обгоняя одного за другим. Почти бегу.

Нет-нет-нет! Да что же это такое?

Я накрываю тыльную сторону правой ладони левой рукой и чувствую, какими ледяными стали руки. Опускаю взгляд и вижу знакомую вязь на коже.

Нет-нет-нет. Нельзя. Не надо.

Ногтями пытаюсь содрать дурацкую метку, и плевать, что могу разодрать себя до мяса. Только не это. Только не снова.

Метка снова появилась. Встреча снова произошла, стоило мне на миг потерять бдительность. В точности как тогда — сначала толчок одного, а потом объятия другого.

Судьба повторяется.

Я только было поверила, что все можно изменить, как на тебе.

— Подождите! — Голос Искандера позади заставляет меня идти еще быстрее.

Вот же привязался-то! Нельзя нам встречаться. Никак нельзя. Мы сделаем друг друга несчастными, а потом один из нас умрет. И в этой жизни это точно буду не я, так и знай.

Уходи. Отстань. Сгинь.

Найди свою Марианну прямо сейчас, не теряй времени.

А то, что метка опять появилась, — у-у-у, злодейка-судьба. Я с тобой не согласна. Я здесь, чтобы изменить свою жизнь, а не еще раз станцевать на любимых граблях.

Никогда. Ни за что. Больше — ни-ни.

Пусть хоть на лбу метка появится, сделаю все, чтобы ее не показать. Надо будет — кожу сниму.

— Госпожа!

Да что ж такое-то?

Искандер, все ощущения, что ты испытываешь сейчас, тебе почудились. Почудились, я говорю!

Но я чувствую — не отстает. Как бы я ловко ни маневрировала в толпе, он идет следом.

Говорят, мужчины-драконы чувствуют невероятную тягу к своей истинной. Природа тянет к своей женщине магнитом, но не настолько же!

Отстань, говорю! Изыди.

Но он всегда был упрямым. Так просто не отстанет, нужно срочно что-то предпринять, иначе судьба повторится.

Стоит ему сейчас увидеть метку, как он все поймет. И тогда мне настанет конец еще быстрее, чем в прошлой жизни, потому что я буду сопротивляться ему изо всех сил. А идти против истинного — преступление.

Я оборачиваюсь и вижу, что Искандер по-прежнему пробирается за мной сквозь толпу, шагов на семь позади меня.

Еще чуть-чуть — и он схватит меня. Что же делать? Как изменить судьбу?

Все лавки вокруг стоят друг к другу вплотную — не нырнуть ни за одну. Тележки с товарами не скроют. Люди не спасут.

Метка пробудила в нем тот самый драконий инстинкт, о котором рассказывали в академии. Влечение. Потребность.

Скорее всего, он еще сам не понимает, что происходит, но его кровь уже бурлит от встречи со мной. Откликается на зов моей.

Женщины так не чувствуют эту парность, именно поэтому природа и стала проявлять эти дурацкие метки, чтобы уже не отвертеться. Чтобы напору дракона сдаться. Чтобы принять свою судьбу.

Ну не-е-ет. Я не вернусь в прежнюю колею, как бы все ни повернулось. Я готова на все, лишь бы сбить сейчас Искандера со следа.

И тут на пути у меня возникает Дейр Шорил — наследник самой именитой драконьей династии в столице, к которому Искандер меня так приревновал, что залез в мой дом.

Тогда улетел Чиви.

Тогда по городу разнеслись слухи.

Тогда мои родители вынужденно согласились на помолвку, хотя были против.

Кажется, они сами словно видели вещий сон, что их девочка не будет счастлива, пусть и появилась метка истинности.

Дейр Шорил стоит и смотрит прямо на меня, преградив путь. В прошлой жизни мы встретились через неделю или две после знакомства с Искандером. До этого я только слышала об этом ужасном человеке столько всего, что тогда смертельно испугалась его интереса ко мне.

Выросший без матери, отданный за какой-то ужасный проступок в детстве дяде-генералу в армию на исправление, он не раскаялся. Говорили, что два его брата погибли не без его участия, чтобы он стал наследником династии. И что он настоящая Ходячая Смерть в бою, хоть у него и плохо работает левая рука.

Именно по ней я его сейчас узнаю, потому что на нем обычная черная маска и неприемный костюм. А вот левая рука зафиксирована «плечом льва» — артефактом, помогающим руке быть более подвижной.

Помню, мы встретились с ним на озере. Я так рассердилась на родителей за то, что они почему-то отговаривали меня от Искандера, что решила выпустить пар и не нашла ничего лучше, чем покататься на лодке и помахать веслами.

Тогда-то он и протаранил меня так, что лодка перевернулась и я упала в воду. Он спас меня, выловил из воды, а слух об этом мгновенно разлетелся по городу.

Помню, как он еще два раза ловил меня на улицах города, приглашал на свидания, но я в страхе убегала. А потом он пропал после нашей свадьбы с Искандером.

И вот сейчас он стоит передо мной собственной персоной. Еще не заинтересовавшийся мной, еще не опрокинувший мою лодку.

Я делаю то, на что бы никогда не отважилась в прошлой жизни, — налетаю на него с разбегу и вешаюсь на шею с криком:

— Любимый!

Лучше прыгну на Ходячую Смерть, чем позволю Искандеру увидеть метку.

Глава 22

Время замирает. Запах горящих сосновых иголок и подкопченных стружек сходится в аромате пороха, который идет от мужчины.

Он пахнет полем боя.

Под моими пальцами грубая ткань, а под ней — стальные мускулы.

Создается ощущение, что я повисаю на шее статуи, а не самого опасного человека в столице. Но на что только не пойдешь, чтобы спастись от мужчины, который был моей судьбой!

Для меня тот, кто позади, в сто раз страшнее.

Я чувствую, как застывает не только Дейр Шорил, но и весь мир вокруг. Даже снующие туда-сюда люди останавливаются, чтобы стать свидетелями моего представления.

«Любимый!» — этот мой фальшивый крик эхом отдает по ушам так, что мне хочется провалиться сквозь землю.

Я смотрю на лицо Дейра Шорила в простой маске, и оно на миг кажется мне очень знакомым. Но всего на секунду, а потом это ощущение пропадает.

Я хорошо вижу только его глаза в прорезях черной маски, и они широко распахнуты. А потом они сужаются, и я не пойму, от злости или от чего-то другого.

Вот сейчас он ка-а-ак меня оттолкнет. Я зажмуриваюсь, готовая ко всему.

Но вместо этого его правая рука прижимает меня к себе за талию и отрывает от земли.

Я рискую поднять взгляд и встретиться с его глазами. Глубокими, темными, как беззвездная ночь, и столь же нечитаемыми. В них нет ни удивления, ни гнева, лишь холодное, испытующее любопытство, словно он изучает новую, незнакомую тактику на поле боя.

— Вы-ру-чай, — шепчу я онемевшими губами.

И его глаза снова превращаются в две щелки. И тут губы расплываются в улыбке.

Странно, я не могу сказать, толстые они или тонкие, но они определенно наглые, потому что медленно приближаются к моим губам.

Отпряну — сразу разрушу свою игру в «любимого». Позволю поцеловать...

Хотя... И что тогда? Да пусть целует!

Невелика цена свободы. Подумаешь. Это я раньше скорее бы сгорела на месте, чем вот так повисла на шее и позволила себя поцеловать незнакомцу, но стрела в сердце от истинного управляет мозги и расставляет приоритеты.

Я закрываю глаза, думая лишь о том, видно ли метку на моей руке другим.

Вру, еще и о поцелуе.

Я чувствую, как губы опалает чужое дыхание, а потом он резко отстраняется и ставит меня на землю. При этом хватка на талии не ослабевает — он прижимает меня к себе так крепко, что мне сложно дышать полной грудью.

— Он тебя преследует? — Дейр смотрит на Искандера, и в воздухе начинает пахнуть дракой.

Его низкий и спокойный голос отзывается во мне.

Слышала ли я его раньше? Нет. Нет-нет-нет, я бы запомнила.

Искандер опешивает. Его драконья кровь, только что звавшая его ко мне, сталкивается с примитивным вызовом другого хищника. Его лицо бледнеет, а ямочки на щеках окончательно исчезают.

Я же старательно держу правую руку так, чтобы не светить меткой.

— Я просто хотел убедиться, что с госпожой все в порядке, — сдавленно говорит Искандер, с испугом глядя на наплечник в виде львиной пасти. — Она чуть не упала.

— Теперь с ней все в порядке, она со мной, — отрезает Дейр.

Его слова повисают в воздухе не как констатация факта, а как приказ. Приказ отступить. Его правая рука прижимает меня еще плотнее, и по коже бегут мурашки.

Это не страх. Меня пронимает осознание невероятной силы, сдерживаемой железной волей.

Искандер замирает в нерешительности. Я вижу, что его инстинкты рвут его на части: одна требует забрать свою истинную, другая, более рациональная, кричит об опасности, исходящей от Дейра Шорила.

В конце концов, к моему величайшему облегчению, вторая перевешивает. Искандер бросает на меня последний, полный смятения и обиды взгляд, резко разворачивается и растворяется в толпе.

Мгновение я просто стою, прижавшись к Ходячей Смерти, дрожа как осиновый лист. Угроза миновала, но ее сменяет новая, возможно, еще более страшная.

— Он ушел, — тихо произносит Дейр.

Его рука убирается с моей талии, и я чувствую, как по телу разливается ледяная пустота. Отступаю на шаг, едва держась на ногах и старательно прячу руку в складках платья.

— Благодарю вас. — Я опускаю голову. — Я... мне... нужно идти.

— Нет. — Его негромкий, но стальной голос заставляет меня поставить на место только занесенную для побега ногу. — Вы бросаетесь в объятия одного незнакомца, спасаясь от другого, и думаете, что я просто так вас отпущу?

А что он сделает? Не убьет же меня, верно? Не для того спасал.

Да и в прошлой жизни я ему явно нравилась, просто против истинности не попрешь. А вот я попру.

Я смотрю на Ходячую Смерть испуганным зайцем. А он неторопливо поднимает левую руку, закованную в «плечо льва», и медленно тянет ее ко мне.

Бежать? Догонит и убьет.

Откинуть руку? Тем более убьет.

Попросить не распускать руки? Психанет и убьет.

Нет, лучше останусь на месте. Все равно он меня не узнает вот так. Я в одежде другого уровня, в маске. Почти в безопасности, верно же?

Но когда понимаю, что его левая рука тянется к моей правой, которую я прячу в складках платья, я уже готова и к побегу, и к шлепку по протянутой пятерне.

Он заметил?

Глава 23

Я импульсивно отпрыгиваю назад, и пусть думает что угодно. Не хватало мне еще, чтобы он решил, что метка появилась из-за него. От такого точно не отвертишься!

Но мое резкое движение было ошибкой. Я вижу это по миготу напрягшейся спине, по корпусу, который замер в наклоне, словно у хищника перед прыжком.

Взгляд Дейра застывает на моей правой руке. Вот же упорный!

Секунда — и он делает выпад и хватает меня за правую руку железной хваткой своей левой.

И это она у него не очень работает? Как тогда очень?

Дейр дергает мою руку на себя, и я с ужасом вижу метку на тыльной стороне своей ладони. Он же смотрит на нее неотрывно, словно забывая, что мы стоим среди улицы и людей.

А потом поднимает на меня тяжелый взгляд. Долгий, испытующий, во время которого я успеваю перебрать про себя десяток фраз, но ни одна мне не кажется хорошей.

Что, если скажу, что метка Искандера, и он отправит меня ему с поздравлениями?

А если промолчу, не подумает ли, что это его метка?

Вот же засада!

— Моя? — спрашивает он наконец.

— О, нет-нет-нет! — Я поднимаю свободную руку и отмахиваюсь от ненужных перспектив.

— Чья? — Цепкость руки Дейра только увеличивается.

— Там, — машу я назад неопределенно. — Рисуют.

Дейр перехватывает руку так, что большой палец оказывается на тыльной стороне моей ладони, а другие пальцы — под ней. И большим пальцем он начинает грубо тереть золотистую вязь.

Вот же какой настойчивый, а!

— Артефакт, магия. Понимаете?

Его палец замирает.

— Да? И где же наносят такие магические рисунки? И сколько сейчас дев могут в меня врезаться и сказать, что я их истинный?

— Я такого не говорила, упаси небеса!

Дейр усмехается над моей реакцией, из его горла вырывается хриплый смешок:

— А что такое? Не хотите?

Ну как ему сказать, что ни за что, да еще глядя в глаза?

Вместо ответа натянуто улыбаюсь и пытаюсь вытащить руку из его хватки. Он держит.

Я пытаюсь еще.

Он чуть ослабляет захват, испытующе смотрит мне в глаза. У меня создается ощущение, что он хочет меня прощупать.

Я почти получаю свободу, но он крепко хватается за мой указательный палец.

— Почему вас преследовали? — Темные глаза пытливо смотрят на меня.

— Понятия не имею. Может, я наступила ему на ногу и он хотел отомстить?

Взгляд Дейра скользит по седой пряди моих волос, по маске, а потом он внимательно и очень медленно осматривает меня с головы до ног, словно думает, брать или не брать.

— Вы не похожи на ту, которую бы аристократ преследовал на улице, если только... — его голос становится ниже, — вы не его истинная.

Я чувствую, как кровь отливает от лица. Не могу ни опровергнуть, ни согласиться. Смотрю на него настороженно, не зная, что он сделает.

И тут он резко отпускает мою руку и говорит:

— Не бросайтесь на шею первому встречному. Выбирайте, кого используете в качестве щита.

Мне нечего сказать. Я могу лишь спрятать правую руку в складках платья и смотреть в сторону побега. Но он стоит на месте, поэтому я не рискую сделать хоть шаг.

Толпа огибает нас на расстоянии. Все боялись Ходячей Смерти, но для меня он все-таки лучше Искандера.

— Значит, метка его? — вдруг уточняет он.

Я дергаюсь, хочу соврать, но сама себя останавливаю. Прикусываю щеку.

— Она еще чуть светится, значит, появилась несколько минут назад.

К чему он ведет? Что метка его?

Я мотаю головой.

— Что? — Дейр изображает мое мотание головой. — Говорить разучились?

Да ему нужно преступников допрашивать с его напором! Я всего лишь женщина с незавидной судьбой, которая старается ее всеми силами изменить.

Беги!

— Мне пора! — Я разворачиваюсь и пускаюсь прочь.

Сердце стучит в ушах, люди становятся лишь препятствиями на пути, которые я оббегаю. Я бегу просто вперед, только спустя минуту начиная различать, где я, по ориентирам — лавкам, вывескам и домам.

«Мы еще не закончили, Эйви!» — повторяется в голове брошенная мне в спину фраза Дейра Шорила.

Глава 24

Он сказал мне эту фразу при последней нашей встрече в прошлой жизни и пропал. Я не против, если он повторит этот фокус, потому что меньше всего мне нужно, чтобы он начал сомневаться в происхождении этой метки. Чтобы подумал, что она его.

Пусть прислушается к себе, подумает немного и сразу поймет, что я искорка не его ресурса.

Я добегаю до дома, закрываю за собой двойные двери и оседаю по ним. Сердце колотится в горле, а метка на руке пылает. Она такая же яркая, как и двадцать лет назад.

Вот только в прошлой жизни я была невероятно счастлива ее появлению. Помню, как кружилась по дому от счастья, что стала особенной для кого-то.

Теперь бы я отдала почти что угодно, чтобы никогда не стать никому истинной.

Перед моими глазами стоит взгляд Искандера, а в ушах звучит низкий голос Дейра Шорила. Угораздило же так вляпаться.

Ох, хоть не выходи никуда!

Слуги выглядывают из-за угла, шепчутся, глядя на меня. Не хватало еще, чтобы Бар-рису доложили, что я едва стою на ногах после праздника. Тогда он точно наплетет что-нибудь родителям.

И тут в голову приходит мысль: «А как же Руни? Где она?»

Со своей меткой я совершенно забыла о том, через что ей пришлось пройти. Моя бедная девочка.

Я разворачиваюсь к входным дверям и только собираюсь их открыть, чтобы пойти на поиски Руни, как они сами распахиваются и девушка влетает прямо мне в объятия.

— Молодая госпожа-а-а! — Она не плачет, но так крепко обнимает, что это сильнее слез ручьем разбивает мне сердце.

— Ну-ну, все хорошо. Все обошлось, — глажу ее по спине. — Ты жива, а это главное. Пойдем в комнату?

Мы оборачиваемся, чтобы пройти, когда видим маму. Она стоит, сложив руки на груди, и внимательно смотрит сначала на мою одежду, а потом на лицо Руни. Когда она видит ее расстроенную мордашку, дергается.

— Что случилось?

Может, так даже лучше. Нам как раз нужно поговорить обо всем.

— Пойдем в вашу гостиную? Папа дома?

— Нет. Папа пошел встретиться с друзьями.

Хорошо. Проще уговорить маму, чтобы потом всем втроем насесть на отца. Ведь мне предстоит нелегкая задача попросить сменить всех слуг.

Хочу это сделать не только для того, чтобы они не узнали Руни, которая прикинется моей кузиной. Я не забыла ту историю с мечами. Я читала в отчете, что кто-то из слуг открыл тайную комнату отца. Но до сих пор не имела понятия, кто предал и где спрятана эта тайная коллекция.

Пока мы идем в родительскую гостиную, мама бросает на нас обеспокоенные взгляды.

Поэтому, стоит только нам сесть на диваны, а дверям закрыться за слугами, как она тут же спрашивает:

— Что произошло? Эйви, почему ты в чужой одежде? И почему Руни заплаканная?

Мы переглядываемся, и я в общих чертах рассказываю, что парень Руни оказался убийцей, которого наняла Тильда Марэй.

При упоминании фамилии заказчицы мама охает и хватается за наши коленки:

— Девочки, это беда! Большая беда. Я слышала, что госпожа дома Марэй мстительна и высокомерна. Господин — заносчив и чванлив. Думаю, их дочка недалеко ушла от родителей.

Они неприлично богаты. У них такие связи, что нам и не снилось. Руни нужно как можно быстрее бежать отсюда.

— Бежать куда, мам? Сама знаешь, как у нас относятся к девушкам без опекунов. Она вляпается в неприятности.

— Но что делать? Эта Тильда так просто ее не оставит.

Хорошо, что мама это понимает.

— Мам, а как насчет того, чтобы сменить слуг и представить Руни всем новым как твою племянницу, что приехала в гости? Переоденем — никто из соседних домов и не узнает. А слугам выплатим компенсацию.

Мама хмурится. Ей совсем не нравится эта идея.

— Мы подбирали их годами, Эйви. У них тоже есть семьи, дети. Мы не можем с ними так поступить.

Ну не могу же я сейчас сказать маме, что один из них предаст так, что они умрут?

Но тут мама наклоняется к нам, словно хочет поведать один секрет:

— Слушайте, есть другой способ, только о нем не должна узнать ни одна душа.

Мы с Руни обмениваемся заинтересованными взглядами и тоже подаемся вперед. Мама шепчет:

— Эйви, ты же знаешь, что иногда папа лично кует некоторые заказы?

Я киваю. Было такое. Тогда он закрывается на кузне и никого туда не пускает.

— Так вот, заказывает у него эти вещи один известный дом. Дает чертеж, чтобы папа сделал максимально приближенно к нему, из определенного сплава. И этот сплав, как оказалось, идеален для одного рода магии — магии изменения. Туманит взгляд, ты не можешь запомнить человека. Он тебе кажется и знакомым, и незнакомцем одновременно.

Ого! И такое бывает?

Я знала, что некоторые драконьи роды настолько богаты магией и знаниями, что делают артефакты, но чтобы такого воздействия... Немудрено, что держат в секрете.

— Так вот отцу заказали две пряжки для ремня. Одна из них получилась с дефектом, и ее вернули на переделку, но папа не знал тогда, что ее уже наполнили магией, — он сделал новую. А старая осталась у нас. И только потом мы поняли, что она делает. Так что я поговорю с отцом, и, если он даст добро, Руни сможет использовать эту пряжку и носить ее с ремнем.

Руни прямо сияет вся в ответ на предложение, а я улыбаюсь, киваю, признаю, что это отличный выход из ситуации, но...

Слуги в доме остаются те же. А это значит, и предатель-то тоже.

Что ж, тогда у меня останется один вариант. Я все равно планировала заняться поиском тайной комнаты, где отец хранит мечи, как только спасу Руни.

Кажется, это время настало.

Глава 25

— Молодая госпожа, хватит надо мной смеяться! — Руни часто моргает, но я-то вижу, что она сама едва сдерживает смех.

Эта пряжка оказалась весом с гнет для прессовки. Массивная, большая, холодная — ни одна девушка такую не выбрала бы. Да, пожалуй, такая и для мужчины была бы великовата.

Мы порвали три старых папиных ремня, пока приделывали ее, а на четвертом, когда закрепили, споткнулись о еще один момент — она выпирала из-под любого модного платья.

— Давай перекрутим ее на спину, — предлагаю я.

— Госпожа, но там же тоже видно.

— Мы можем накрутить тебе там бант. Будет твоей фишкой.

Руни на миг задумывается, а потом с готовностью кивает. Я на глаз отрезаю ткань для примерки, колдую над узелком с ушками, и вуаля — бант готов.

— Края крошатся, отдадим в ателье, чтобы подшили.

— Я сама смогу, — машет руками Руни. — Вы и так отдали мне несколько своих новых платьев.

Эх, Руни, я могла бы тебе отдать их все, если бы это точно спасло твою жизнь. Это раньше я думала только о том, как быть модной, красивой и никогда не совпадать ни с кем одеждой. Или о том, что не надену одно и то же платье более трех раз.

Теперь это все кажется мне такой глупостью и расточительством!

— Руни, смотри, нужен бант под каждое платье. Только его нужно пришить, чтобы, не дай небеса, никто не сдернул. Точно сможешь?

— Обижаете! Все сделаю в лучшем виде. Да и я хочу чем-то заняться, чтобы не думать...

— Руни сбивается, и я порывисто обнимаю ее.

— Ты здесь ни при чем. Просто бывает, рождаются хладнокровные гадины.

Она кивает.

— Заберу к себе? — спрашивает она.

— Прости, но нет. Никто из слуг не должен видеть, как ты пришиваешь бант к тем платьям, которые будет носить моя свежеиспеченная кузина. Устраивайся у меня поудобнее.

Руни садится за шитье, а я отпиваю чай и смотрю на нее крайне внимательно. Она еще не сняла пряжку с ремнем, и ее черты лица для меня словно плывут. Я не могу на них сосредоточиться. Вижу четко, но как только хочу рассмотреть глаза — что-то заставляет отвлечься.

Гениально!

Я и не знала, что такая магия течет в некоторых потомках драконьих родов. Мы — купцы, без силы в крови, вышедшие из народа. Нам о таком только мечтать.

— Не снимешь ремень? — спрашиваю я.

— Нет, буду привыкать к его весу. Ведь мне в нем и спать.

Какая Руни умница. Так серьезно относится к делу, и, пожалуй, она права. Пока Тильда Марэй не забудет о мести, нужно быть начеку днем и ночью.

Я опускаю взгляд на свою руку. Во время разговора с мамой я постоянно ее прятала, а как пришла к себе, то сразу надела кружевные перчатки.

Мне тоже нужно быть постоянно начеку, нельзя ослаблять бдительность. Но в перчатках жутко неудобно. Как же быть?

Замотать руку, сославшись на ранение? Тоже не вариант. Мама тут же вызовет лекаря. Тогда что делать?

Я совершенно ясно понимаю, что мама и папа когда-нибудь увидят эту метку. С ней нужно решать кардинально. Нельзя себя жалеть.

Именно поэтому я, переодевшись в домашнее платье, иду на кухню. Слуги толпятся там, болтая и явно выпивая из-под полы. Праздник же не только у тех, кто на улице, но и у тех, кто внутри.

Идеальное время для моего плана по избавлению от метки.

— Молодая госпожа, проголодались? — Добродушная старая кухарка Элинон расталкивает смеющихся молодых служанок и выходит ко мне.

— Хочу приготовить для отца.

Элинон смотрит на меня, сощулив добрые глаза:

— Какая замечательная идея. Может, завтра? А то ваш отец сегодня, боюсь, не успеет отведать ваше блюдо — придет поздно, да еще и навеселе.

— Я хочу потренироваться, а завтра угощу проверенным.

Кухарка кивает.

— Чем помочь? Что хотите приготовить?

Я подхожу к большой кастрюле, что стоит на дровяной кухонной печи, взмахивая правой рукой и прищипываюсь тыльной стороной ладони к ее боку.

Ащ-щ-щ! Больно-то как. Но куда больнее — стрела в сердце.

— Ой!

— Молодая госпожа!

— Осторожней!

Ко мне бросаются со всех сторон. Тянут за руку в сторону ведра с колодезной водой. Кто-то бежит за льдом в подпол. Кто-то за матушкой.

Я же закрываю глаза, надеясь, что образующийся на глазах волдырь навсегда скроет метку.

Остаться живой — вот что главное. И чтобы мои близкие остались со мной. Больше мне ничего не надо.

Боль — маленькая жертва, если мой план удастся.

Один у меня только страх — а что, если лекарь сейчас увидит вязь даже через ожог? Что мне делать тогда?

Глава 26

Кожа на тыльной стороне ладони мгновенно краснеет, ее сильно печет. Через слой воды большого деревянного таза легко угадывается белесый волдырь.

До мяса, слава небесам, не дошло — это ура! И второе ура — я не вижу вязи метки под вздувшейся кожей. По крайней мере, пока.

— Эйви, дорогая! — На кухню влетает перепуганная мама. — Что случилось? Ну как так-то?

— Сама не поняла. — Я пожимаю плечами, позволяя служанкам достать мою руку и приложить к ожогу лед. — Пустяки.

— Какие пустяки? — Мама мягко отодвигает служанку в сторону, ее пальцы дрожат. — Сейчас же зовите лекаря!

— Не надо! — Мой голос звучит резче, чем я планировала, и я тут же смягчаю тон, увидев ее испуганный взгляд. — Мама, у тебя же есть фирменное средство от ожогов. Помнишь, ты в детстве мазала мне колени, когда я пролила на себя твой чай?

Если есть вариант избежать осмотра лекаря, надо им воспользоваться. Пока я не уверена, что вязь не видно, мне нельзя рисковать. В идеале я должна быть единственной, кто меняет себе повязки.

— Сравнила глаз с ногтем, Эйви! — Мама с волнением смотрит на мою руку с куском льда на тыльной стороне, потом на мое лицо. — Это же такой риск! Каерс точно позаботится о том, чтобы у тебя не осталось шрамов.

— Даже если будет шрам, не страшно.

— Как это? Думаешь, женихи не обратят внимания? Как ты потом замуж выйдешь? Меньше всего маме сейчас нужно знать, что замуж я не собираюсь. Никогда.

Руни вбегает на кухню, подбирая юбки.

Вот девчонка! Мы же с ней договорились, что сегодня она попросится со всеми и больше не покажется. А теперь все служанки ловят ее за руки и спрашивают, передумала она увольняться или нет.

— Мам, пожалуйста. Это всего лишь ожог. Посмотри, наши девочки всегда на кухне, а шрамов нет. Точно не потому, что не обжигаются. Твой тот рецепт — бомба.

Мама медленно окидывает взглядом служанок, и те робко кивают в ответ. Фух, а ведь я не на авось говорила.

— Ладно, — наконец сдается она. — Но если к утру станет хуже, лекаря не избежать. Руни, беги в кладовую, принеси все что нужно. Элинон, мне нужен глиняный горшок, сито и терка. А еще неси...

Пока мама и Руни хлопочут вокруг, готовя отвар, я ловлю на себе подозрительные мамины взгляды. И понимаю почему: в прошлой жизни я изрядно критиковала ее мазь и полагалась только на Каерса, считая, что домашнее лечение — это опасно.

Такая глупая была.

Я держу лед до момента, пока он полностью не тает. К тому времени и готова быстрая заживляющая мамина мазь на основе одного растения с толстыми стеблями.

Мама берет горшочек, деревянную плоскую лопатку и подходит ко мне:

— Садись.

— Мам, я сама.

— Ну уж нет. Если не даешь позвать лекаря, то дай хотя бы матери за тобой поухаживать. Я смотрю на волдырь. То ли тень так падает, то ли метка все-таки начинает проступать.

Ну что ж такое-то, а?

— Мам, я боюсь, что ты слишком надавишь. А я чувствую, с какой силой наносить. Мы с Руни все сделаем в комнате. Ладно?

Мама глубоко и недовольно вздыхает и дарит упрекающий взгляд сначала мне, потом Руни.

— Упрямица. Тебе потом со шрамом жить.

Мам, да у меня сейчас на душе такой шрам, что этот — просто пустяки.

Руни ловит мой взгляд, подхватывает горшочек с мазью и выходит из кухни, на ходу бросая:

— По пути чистые отрезы захвачу.

Я благодарно обнимаю маму:

— Спасибо за мазь!

И убегаю, оставляя за собой ее недоумевающую, замершую на месте фигуру.

Мама, это все для дела. Прости!

В комнате я сама наношу мазь под причитания Руни:

— Госпожа, ох, ах! Ах, ох, госпожа.

Поднадоело даже.

Пока наношу мазь, под светом внимательно рассматриваю пузырь. Нет, мне не показалось — вязь метки начинает проступать даже так.

Вот же прилипчивая зараза! Ничем ее не свести.

Но я, по крайней мере, получила настоящий повод ходить с забинтованной рукой. Это уже даст мне некоторое время.

С безопасностью Руни вопрос более-менее решен. Сегодня вечером она окончательно попрощается со всеми (теперь уж точно), а завтра порог переступит моя новоиспеченная кузина Нинель.

Так что после борьбы с меткой я перехожу к одной из самых важных задач — спасти родителей.

Вечером весь штат слуг, я, мама и отец слезно провожаем Руни через главный вход. Я тихонько запускаю ее через лаз для собак и провожаю к себе в комнату.

Дом засыпает, а я надеваю то самое темное платье от главы гильдии, чтобы сливаться даже с тенью, и иду искать потайную комнату.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.